

ОЛЬГА ЛУКАС

13
ТРИНАДЦАТАЯ
РЕДАКЦИЯ

ЧТОБЫ ЖЕЛАНЦА
ИСПОЛНЯЦЬ,
ИХ НАДО ЖЕЛАТЬ!

Тринадцатая редакция

Ольга Лукас

Тринадцатая редакция

«Автор»

2011

Лукас О.

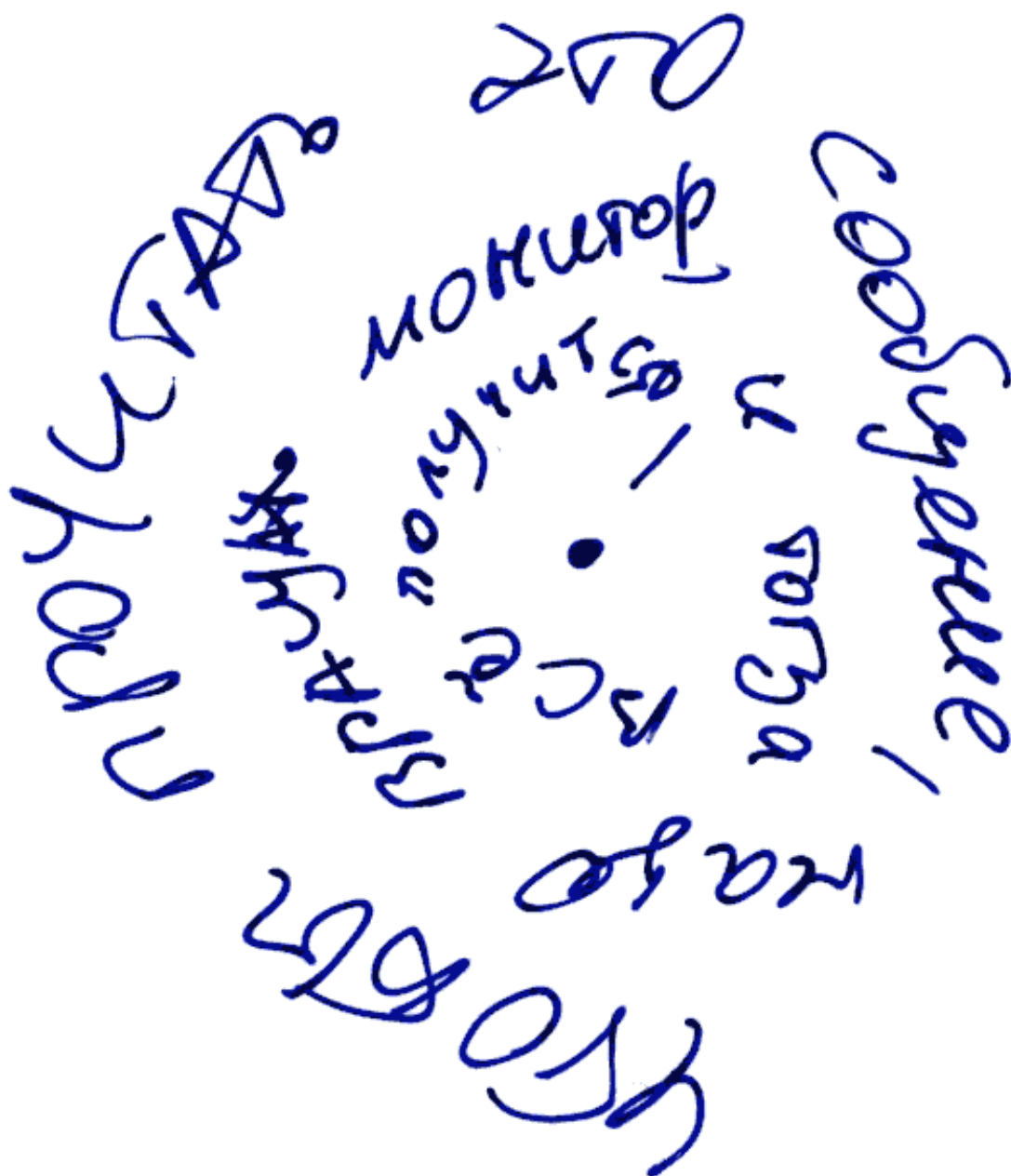
Тринадцатая редакция / О. Лукас — «Автор»,
2011 — (Тринадцатая редакция)

Где-то в самом центре Санкт-Петербурга спрятался от чужих глаз маленький двухэтажный особняк. Местные жители называют его «Мертвого Хозяина Дом», а москвичи знают под именем «Тринадцатая редакция». Здесь работают люди, чья основная задача – исполнять чужие желания. Бескорыстно. Посторонним вход сюда закрыт – вы ни за что не найдёте Мертвого Хозяина Дом на карте и даже пройдёте мимо него, случайно оказавшись в нужном дворе. Потому что даже у тех, кто бескорыстно исполняет чужие желания, есть конкуренты. И они не остановятся ни перед чем.

Содержание

День первый	6
День второй	34
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ольга Лукас Тринадцатая редакция

День первый

– Шурик! Эй, ты спишь, что ли? – М... И вон тот эклер заверните с собой, пожалуйста... А???

Шурик Курманаев открыл глаза и увидел перед собой не официанта из ресторана «Квартира самурая», а коммерческого директора Константина Петровича Рублёва, за добрый нрав и покладистый характер прозванного Цианидом.

Неудобно-то как. Снова заснул на летучке. А что делать? Даниил Юрьевич, шеф Тринадцатой редакции, понимает, кажется, всё-всё на свете. Кроме того что некоторые люди рождаются на свет хроническими, законченными совами. И даже если они, преодолевая свинцовую мерзость в голове, выпрыгивают из кровати, повинаясь звонку будильника, часов в 9 или даже в 8 утра, то ждать от них осмысленных действий всё равно стоит не раньше чем после обеда. Но закон летучки неумолим. В 10 часов все должны быть в кабинете шефа. На случай опозданий хитроумный Цианид придумал целую систему штрафов и наказаний, такую запутанную, что сам иногда не может в ней разобраться, и тогда применяет к нарушителю сразу несколько санкций.

– Пока ты спал, – сладким голосом сказал Константин Петрович, – мы как раз обсуждали «Роман с Вампиром». В Москве интересуются – доколе и как долго?

Москва – это серьёзно. В Москве находится головной офис издательства «Мегабук». Как следует из названия, оно очень крупное. Прямо-таки мегакрупное. И исключительно серьёзное. Шурик и его коллеги работают в питерском филиале компании, носящем полуофициальное название «Тринадцатая редакция». Сотрудники филиала занимаются тем, что продают книги и защищают честь компании «Мегабук» в городе Санкт-Петербурге. А Шурик, обладающий стопроцентным чутьём на бестселлеры, целыми днями (а чаще – ночами) читает рукописи, ведёт переписку с их авторами и отправляет готовые шедевры в Москву. Кажется, на этот раз он не поспевает в срок. Ой, что будет!

– А я всю ночь редактировал прогрессивный иронический триллер «Эвакуированные эвакуатором»! – попытался оправдаться Шурик.

– Ночью надо спать! Учёные доказали, что в светлое время суток мозг работает более продуктивно! – оборвал его Цианид.

– Учёные доказали, – заметил с места Виталик, – что не всё то, что доказали учёные, следует принимать на веру.

Виталик Петров – скорая компьютерная помощь, дизайнер-любитель и рупор научно-технического прогресса. Существо шумное, несобранное, чересчур болтливое и вопиюще лохматое, но в целом милое.

– С тебя, кстати, я отчёт за прошлый месяц жду, – повернулся к нему Константин Петрович. – Со следующего месяца буду штрафовать каждого, кто не сдаст отчёт к пятому числу. Всех, между прочим, касается.

– Покажи, где в моей служебной инструкции написано, что я ещё тебе отчёты должен писать? Недостаточно тех, что я в Москву шлю? – вскочил с места Лёва. – Где в трудовом законодательстве такое вообще сказано?

Лёва Разумный – пиарщик, большой трудяга и хулиган, каких мало. Лёва функционирует в двух режимах: активная и пассивная фазы ярости. Он хороший, правда. Но лучше лишний раз его не злить.

– Теперь вернёмся к делу, – негромко произнёс Даниил Юрьевич.

Все притихли. Константин Петрович поправил очки. Лёва молча рухнул на своё место.

Шеф Тринадцатой редакции, Пантелеймонов Даниил Юрьевич, – изящный и элегантный человек неопределённо-среднего возраста, чем-то неуловимо напоминающий выцветшую

дореволюционную фотографию. Он никогда не повышает голос – он его понижает. Секретарь-референт Наташа утверждает, что слышала, как шеф шепотом разговаривает с каким-то партнёром, не выполняющим своих обязательств, и клянётся, что такого ужаса она не испытывала с тех пор, как однажды в детстве, гуляя с подружкой по лесу, услышала невдалеке волчий вой.

– Ты же понимаешь, Саша, что «Роман с Вампиром» важен не столько для Москвы, сколько лично для нас, – продолжал шеф после того, как в его кабинете воцарилась полная тишина.

Это только со стороны кажется, что Тринадцатая редакция – самый обычный филиал крупной московской компании, скромный, ничем не выделяющийся из сотен других. Очень, кстати, хорошо, что так кажется. Для мунгов засветиться хоть раз – это всё равно что подписать документ о роспуске команды. А может быть, и смертный приговор всем участникам.

Мунги появились на Земле в незапамятные времена, так давно, что все успели забыть язык, из которого произошло само слово «мунги». Рассеялся и исчез народ, придумавший это название. Царства пошли войной на царства, племена снялись с насиженных мест и ушли стогнать с плодородных земель другие племена, рухнули древние империи, проскакали по Европе кочевники, были открыты новые континенты, появилось телевидение, обрели власть транснациональные корпорации, а про мунгов так никто ничего и не узнал.

Мунги помогают желаниям исполняться. Не всем и не всегда, а только настоящим выполняемым заветным желаниям, заставляющим глаза человека сиять особым блеском, превращающим всю его жизнь в ожидание сладкого мига осуществления давней мечты.

Во всех городах есть команды мунгов. Там, где люди по-прежнему живут ещё не слишком кучно, территория разделена на квадраты, каждый из которых также находится под неусыпным контролем исполнителей желаний.

Мунги – не жрецы таинственного народа, не инопланетная раса и не ангелы небесные, а самые обыкновенные люди, которые нуждаются в том же, в чём и мы с вами. Поэтому каждая команда мунгов числится филиалом какой-нибудь крупной компании, или отделом солидного научного учреждения, или, или, или – возможностей и вариантов не меньше, чем самих команд.

Четыре года назад к хозяину издательства «Мега-бук», господину N (вы неоднократно видели его фотографии в деловых журналах), пришли двое – высокий, сухоощавый, чуть сутулый старик с роскошными седыми кудрями до плеч, представившийся Трофимом Парфёновичем, и некрупный, румяный, голубоглазый толстяк, назвавшийся Кастором. Поначалу господин N принял незваных гостей за двух провинциальных актёров, решивших издать совместный сборник мемуаров, и потребовал объяснить, какого чёрта они врываются в его кабинет без предварительной договорённости, куда смотрят охрана, секретариат и все его многочисленные заместители. Гости выслушали этот гневный монолог без особого интереса, а затем лениво продемонстрировали свою силу: несколько простых, но эффектных трюков, ничего особенного – а как изменилось выражение лица у господина хозяина издательства, с каким интересом он выслушал сделанное ему предложение, от которого было невозможно отказаться. Нет, разумеется, никто его ни к чему не принуждал, Кастор сразу так и сказал: «Господин N, вы даже и не думайте, что мы вам показали эти фокусы для того, чтобы вы испугались и согласились с любым безумным бредом, который мы будем из себя извергать. А мы как раз собираемся извергать из себя безумный бред – по меркам человека здравомыслящего, каким вы, без всякого сомнения, являетесь. Так вот, имейте в виду – никакого принуждения, никакого насилия с нашей стороны не будет. Если уровень безумного бреда зашкалит, вам достаточно просто сказать нам об этом – и мы тут же скромно удалимся. Дабы с тем же предложением обратиться к следующему претенденту. Кстати, Троша, кто у нас там в списке следующий? А, ну да, прямые конкуренты «Мегабук». Впрочем, я могу показать весь список, в нём нет ничего секретного».

Список господин N смотреть отказался, но к безумному бреду отнёсся с большим пониманием. Он, разумеется, не поверил своим собеседникам – вернее, сделал вид, что не поверил. Потому что если поползёт слух о том, что он, хозяин крупнейшего издательства, согласился отдать на откуп каким-то проходимцам создание филиала в городе Санкт-Петербурге в обмен на медальон в виде листика клевера с четырьмя лепестками, якобы способный обеспечить организации удачу и процветание, то его репутация очень сильно пострадает. Но то-то и оно, что от безумного на первый взгляд бреда за пару метров пахло сногшибательной прибылью. В таких вопросах чутьё никогда не подводило господина N. Не подвело оно его и на этот раз: питерский филиал исправно приносил прибыль, а уж какой прорыв на рынке совершило само издательство «Мегабук» после того, как невзрачный медальон в форме листика клевера с четырьмя лепестками переместился из кармана Трофима Парфёновича в личный сейф господина N, вы и сами знаете, если следите за деловыми новостями. А если не следите, то всё вышесказанное вполне может показаться вам безумным бредом. Впрочем, неважно, чем оно кажется. Важно, что оно работает.

После заключения договора Кастор и Трофим Парфёнович, ни словечком не перемолвившись друг с другом, вышли из главного офиса издательства, но не стали переходить дорогу, чтобы воспользоваться общественным транспортом, не сели в собственный автомобиль и не вызвали такси. Они просто исчезли, перестали быть видимыми, а затем моментально переместились в то воображаемое, но при этом существующее на самом деле пространство, которое мунги первой ступени (к числу которых, например, относятся все сотрудники Тринадцатой редакции) в шутку и по незнанию величают «Небесной канцелярией».

«Роман с Вампиром», ради которого бессердечный Константин Петрович разбудил Шурика Курманаева прямо посреди летучки, подходил питерскому филиалу по всем пунктам. Во-первых, полгода назад из Москвы пришла бумага, предписывавшая искать любые произведения, в которых упоминаются вампиры, потому что тема уж больно модная. Во-вторых, скромная питерская девушка Маша Белогорская, неожиданно для себя написавшая роман на модную тему, оказалась носителем настоящего выполнимого заветного желания. Которое – может быть, чересчур поспешно – было расшифровано как «Хочу издать «Роман с Вампиром» настоящей книгой».

В день, когда Разведчик Лёва Разумный обнаружил Машу, у него окончательно разладился внутренний механизм управления собственным гневом. Поэтому маленький яростный пиарщик, сметая всё на своём пути, отправился в молодёжный клуб на окраине Санкт-Петербурга: драться со всем, что движется и крушить всё, что не движется. Быстро разобравшись с двумя местными громилами, Лёва подумывал уже о том, чтобы вырвать из пола барную стойку, жахнуть ею о танцпол и переместиться в какое-нибудь более весёлое местечко, как вдруг настойчивое жжение в мочке левого уха вывело его из состояния неуправляемой берсеркской ярости и заставило вспомнить о работе.

Всем Разведчикам свойственно испытывать повторяющееся из раза в раз ощущение – такое особое состояние, которое недвусмысленно указывает на то, что где-то рядом бродит совершенно свободный носитель желания. Жжение в мочке уха – это ещё не самая большая беда. Легендарный Разведчик из городка Глубока над Влтавой при встрече с носителем желания подворачивает ногу, да вдобавок ещё и падает прямо на клиента, чтобы уж точно не перепутать его со случайным прохожим. Так что Лёве, можно сказать, ещё повезло. Правда, по мере приближения к цели жжение в мочке его уха всё усиливается, но ему только и нужно, что прикрепить к носителю датчик, – и можно бежать прочь.

Маша Белогорская уже очень давно не бывала ни в каких сомнительных заведениях, но на этот раз старинная подруга, уставшая от одинокой жизни на окраине города, упростила составить ей компанию. Выпив для храбрости по коктейлю из ярко-лиловых жестяных баночек, девушки решительно миновали фейс-контроль и принялись покорять танцпол. Подруга живо

завела знакомство с каким-то бравым бездельником, а Маша постеснялась танцевать в одиночестве и вместо этого взялась за изучение алкогольной карты.

Даже если бы Маша не была ценным носителем желания, её всё равно стоило бы похитить из этого шумного, прокуренного и бестолкового клуба и отвезти домой – из сострадания. Но Лёве было не до сострадания – самому бы кто посочувствовал! Он погрузил девушку в такси, преодолевая боль в ухе – ощущению плевать на мотивы Разведчика, его задача – проявлять себя в присутствии носителя, и точка. Но Маша была такой деликатной и скромной, что и боль постепенно утихла, стараясь не слишком о себе напоминать. Бравый Разведчик возблагодарил всех своих покровителей и даже благосклонно выслушал сбивчивый Машин монолог на тему «Лучше бы я осталась дома и дописала свой роман», сообщил ей, как бы между прочим, что работает в издательстве, выпросил телефончик и совершенно легально вручил на прощание свою визитку с прикрепленным к ней датчиком. А потом вернулся в редакцию и, злорадно ухмыляясь, вызвал Виталика.

По инструкции передавать контакт Технику следует как можно скорее, пока носитель желания не обнаружил прикрепленный к одежде или подброшенный в карман датчик.

Виталик ещё не ложился спать – праздновал неизвестно что неизвестно с кем в каком-то подвальчике на Сенной. Он явился через полчаса – ещё более лохматый, чем обычно.

– Давай сюда контакт и пойдёшь расплатиться с водилой, – распорядился он. Лёва покорно отдал Технику крошечный медный квадратик – точную копию датчика, приклеенного к визитке, которую он вручил Маше, и поплёлся вниз.

В кабинете Виталика пахло как в магазине колониальных товаров: тонкой смесью специй, кофе и каких-то курительных палочек. Так же пахло и от самого Виталика – казалось, что он ночует в индийском ресторане, в сундуке с приправами, а волосы окуривает особыми благовониями, чтобы задорно торчали во все стороны. Лёва любил тихо сидеть в уголке его алхимической лаборатории, заваленной бумагами, макетами, дисками и даже какой-то совершенно посторонней ерундой, вдыхать таинственные и загадочные ароматы, покуда Техник колдует над очередным датчиком.

Но на этот раз сидеть и ждать результата не пришлось: к его возвращению Виталик уже весело приплясывал рядом с принтером, вытаскивая из него листочки с распечаткой параметров и особенностей заветного желания Мариин Белогорской.

– Так быстро? – удивился Лёва.

– Нам, профессионалам, это свойственно, – ухмыльнулся Виталик. – Повезло тебе, кстати. Знаешь, какая у неё «особая категория»?

– Она любит невысоких брюнетов?

– Про брюнетов не скажу, но, наверное, любит, раз поехала с тобой в такси после того, как ты раскурочил там весь клуб. Но ты это сам лучше выясни. А вот с желанием тема такая – оно активизируется как заветное только в состоянии алкогольного опьянения!

– Да не пил я там! Просто подрался немного.

– Не твоего опьянения, балда. Опьянения носителя. Ну, знаешь, человек она, видимо, недоверчивый, стеснительный, собственные желания скрывает даже от себя, но как выпьет – становится малость посвободнее. У меня была одна такая...

– Если она, когда становится посвободнее, по углам шхерится, то какая же она трезвая? – перебил собеседника Лёва. – Может, я попутал чего?

– Нет, всё правильно, – Виталик ткнул пальцем в распечатку, – носитель заветного желания, безопасного для окружающих, выполнимого. Про особую категорию я уже сказал. Потом, значит – и это важно – на объект ещё никто не выходил. Никто, понимаешь? Так что отдаём её Шурику, пусть обрабатывает нежно, но без спешки.

– Вот так вот! Я девушку нашел, ты – пробил по базе, а танцевать её, как всегда, Шурик будет. Причём сразу два танца.

– Как это – два? Не бывает же разом двух желаний. Хотел бы я, кстати, посмотреть, как это на схеме будет выглядеть. Но тут – вполне обычный случай.

– Я думаю, что прочухал её желание. Она же роман пишет. А раз пишет – значит, издать хочет. Там бред какой-то про вампира, я не вникал, но помнишь, месяц назад на летучке об этом говорили? Короче, пусть Шурик и займётся. Глядишь, ещё одну премию в сто рублей получит, а «Многобукв» наши в очередной раз озолотятся.

Питерские блогеры давно уже переименовали издательство «Мегабук» в «Многобукв», а московские – в «Мегабук», и до сих пор спорят, какая версия остроумнее. Лёва из патристических соображений придерживается питерской версии. Остальные – из тех же самых соображений – предпочитают называть издательство как положено.

– Ты этот роман читал? А вдруг он взорвёт Шурику мозг? – осторожно поинтересовался Виталик.

– Значит, хороший роман, если взорвёт. А главное – какая конспирация! Вроде с носителем работаем, а вроде и с автором. То-то Цианид обрадуется! Он же на конспирации этой поехал уже.

– И никуда я не поехал. Я здесь остался, – раздался из шкафа грустный голос Константина Петровича. А потом и сам коммерческий директор появился перед глазами своих изумлённых коллег: чистенький, аккуратненький, прилизанный, как будто и не сидел в пыльном шкафу неизвестно сколько времени.

– Ты там кого выслеживал? – удивился Лёва.

– Я не выслеживал. Я защиту выставял, балбесы. За вас двоих.

– Блин, защита! – хлопнул себя по лбу Виталик. – Мы же тут без защиты все эти дела проделывали, чёрт, чёрт, бежим скорее, пока враги не нагрянули и нас тут всех не порешили!

– Спокойно, – по-голливудски улыбнулся Цианид, – я поставил защиту. Когда Лёва вернулся сюда в полпервого, я решил проконтролировать его. А когда он вызвал тебя, стало понятно, что он отыскал очередного носителя. Поскольку о защите ни один из вас не позаботился, я установил её сам и спрятался – зачем зря мешать людям? Кстати – внимание, – сейчас я её сниму.

По правилам техники безопасности, перед тем как начать обсуждение своих таинственных дел (носителей, желаний, а также способов их исполнения), мунги должны – исключительно силой мысли – накрыть помещение особым непроницаемым для информации колпаком или хотя бы ментальную глушилку установить, чтобы соперники не засекли, не перехватили дело и не прислали киллера.

– Ну спасибо, что ты такой предусмотрительный у нас. А чего ты тут так долго делал? – удивился Виталик.

– Не поверишь – работал. После того как Лёву прихватило и он помчался неизвестно куда сломя голову, оставив, естественно, финансовый отчёт по своему отделу недописанным – а мне его завтра утром в Москву отправлять, хоть вы тут клад в подвале найдите, – я остался разгрести его чеки, расписки и счета. Кстати, узнал много нового. Например – на что уходит часть якобы выписанных для дела средств.

– Всё в дело идёт! – вскинулся Лёва.

– Ну, я же это сам в уме пересчитывал! – ласково улыбнулся ему Цианид. – Что ты как маленький. Сказал бы мне – я бы тебя научил некоторым хитростям, ни один бухгалтер не прикопается. Ну, сам посуди – зачем нам проверка из Москвы? Так что прости, но мы вычтем недостачу из твоей зарплаты, а в следующий раз я сам всё сделаю как надо.

– Так подожди, ты до ночи, что ли, с бумажками возился? – дошло до Виталика.

– Ну да. Зато отчёт – пэрсик!

– А уже второй час. А спать ты когда будешь? Пока до дома доберёшься – тебе же уже вставать надо будет, – сочувственно протянул Техник. – Готов приютить тебя в своём гнезде – при условии, что ты не потребуешь с меня в ближайшее время никаких дурацких отчетов.

– Хочешь сказать, что у тебя в берлоге, среди свисающих отовсюду лиан и проводов, найдётся скромный коврик у дверей, а также плечики, чехол для костюма, одежная щётка, тёмно-коричневый гуталин, одноразовый бритвенный станок и такая же зубная щётка, какой-нибудь не вызывающий аллергической реакции одеколон...

– Нет, – отрезал Виталик, – зато у меня найдутся запасные джинсы и футболка как раз твоего размера. Ну, плюс-минус... А костюм заберешь потом.

– Ты хочешь, чтобы я явился в таком виде на работу? Да ещё и плюс-минус?

– Я хочу, чтобы ты выспался, – пояснил Виталик. – Коврик у меня найдётся. А тебе завтра ещё цифры считать, и вообще.

– Знаешь, а ведь у меня в шкафу как раз завалились плечики и какие-то безразмерные шмотки, знать бы ещё чьи, – перестал злиться Лёва. – И кого это я раздел в тёмном переулке? А, неважно. Сходи переоденься, а потом езжай, в самом деле, к Витальке, а завтра снова будешь в своём отстойном костюме щеголять.

– Спасибо, ребята! – крикнул Цианид уже из коридора. – Теперь я вижу, что недостаточно закручиваю гайки, раз вы такие заботливые! Ну, держитесь у меня!

Таким образом, не особенно вдаваясь в подробности, Лёве удалось убедить всех в том, что безопасным для окружающих заветным желанием Марии Белогорской является именно издание собственной книжки, а Константин Петрович Рублёв обнаружил, что, несмотря на почти абсолютное неумение общаться с людьми, коллеги его всё равно любят и берегут.

Вопреки опасениям Виталика, роман оказался очень даже неплох – о чём Шурик заявил на следующей же летучке. И как он только позабыл о нём на прошлой неделе?

Шеф молчал. Коллеги уткнулись в ежедневники или рассматривали потолок. Цианид что-то строчил в своём кондуите – видимо, придумывал для провинившегося сотрудника особо суровое наказание. Помощи было ждать, прямо скажем, неоткуда. И тут...

– А вы зря все на Шурпана погнали, – вмешалась Галина Гусева, – ему же ещё на той неделе помощника обещали. И что, и где?

– Мы оформляли соответствующие документы на его зачисление, – ровным голосом сказал Константин Петрович.

– Да чувак готов был работать с места в карьер, потом бы оформил всё, делов-то! – воскликнула Марина Гусева.

Коммерческий директор вжался в спинку стула.

Сёстры Гусевы – две миниатюрные востроносые старушки, круглый год расхаживающие в одинаковых драповых пальто с воротниками из серого меха, принадлежащего неизвестному науке животному. Такие старушки водятся, похоже, только в Санкт-Петербурге и, скорее всего, появляются на свет уже глубоко пожилыми и в соответствующем обмундировании. Возможно, они даже являются представителями иной ветви *Homo sapiens*, полагает Виталик. Но выяснять это у сестёр Гусевых ни он, ни кто-либо другой не рискует.

Сколько им на самом деле лет, сёстры ли они, Гусевы ли – не знает никто. Даниил Юрьевич наверняка в курсе, но, видимо, не считает, что эта информация в ближайшее время должна быть предана огласке. Но кем бы ни были эти бабульки, а связываться с ними лишний раз не следует – это усвоили все.

– Ребята, простите меня, а? – жалобно произнёс Шурик. – Ну, прям из головы вылетело, понимаете? Я сейчас пойду и всё исправлю.

– Меня пугают его интонации, – заметил Лёва, – таким тоном обычно говорят: «Я сейчас пойду и убью себя, медленно и мучительно».

– Медленно и мучительно не сможет, – со знанием дела протянула Галина. – Тут опыт нужен. Непрерывные тренировки на других людях. Иначе получится быстро и безболезненно. И не насмерть к тому же.

– А я сейчас сниму защиту и пойду пить кофе, много, – перетянул на себя всеобщее внимание Константин Петрович. – Быстро соображайте, есть ещё что-то, что нам надо обсудить?

Вообще-то ему не позавидуешь: держать защиту – или попросту отводить от места, где происходит секретный разговор, чужие глаза, уши, подслушивающие устройства, камеры слежения и так далее – довольно тяжело. Обычно защиту по очереди держат двое, но у Наташи, которую как раз для этого и брали на работу, внезапно открылся талант Разведчицы – так что, прикажете его в землю зарывать, вместе с самой Наташей? Нерационально. Так что Константин Петрович по-прежнему геройствует, работает атлантом местного значения и в одиночку держит небо на своих каменных плечах.

– Ты, может, сразу-то не будешь снимать защиту, мало ли что нам ещё приспичит обсудить? – хамски поинтересовался Виталик. – Ты такой милый всегда, когда на ней сосредоточен!

– А ты на прошлой неделе, в четверг, уходя из своего кабинета, свет забыл выключить, – парировал Цианид, – а электричество для юридических лиц с прошлого месяца знаешь как подорожало? Всё вычтем из твоей зарплаты.

– А мозг мой, который ты всё на той же прошлой неделе окончательно выел, из чьей зарплаты вычтем? – возопил Виталик. – Без мозга я вообще всю хату спалить могу!

– Прекратить балаган, – спокойно сказал шеф. – Шурик, с тебя – «Роман с Вампиром», остальное потом. Практикант придёт уже сегодня, я ему с утра звонил. Лёва – сам знаешь, что на тебе висит. Виталик, у меня компьютер что-то притормаживать стал, останься после летучки и посмотри, в чём дело. Костя, все оценили, что ты герой, снимай защиту и шагом марш обедать. И не забудь заказать кружечку светлого пива или, скажем, бокал вина. Сам лично проверю – если после обеда от тебя не будет пахнуть алкоголем, накажу и лишу сверхурочной работы.

Когда Даниил Юрьевич обращается к своему заместителю просто по имени, без отчества – это означает, что лучше с ним не спорить. А то поднимет на смех и всё равно вынудит сделать то, что ему кажется целесообразным.

В любом городе есть парадные достопримечательности, которые не жалко показать иностранному гостю или иногороднему соседу, потому что от достопримечательностей этих не убудет, да и соседям-гостям ничего не сделается. А есть и такие, о которых жители предпочитают помалкивать. Не из жадности, не из скрытности, а просто потому, что не вполне понятно: хвастаться следует или жаловаться. Таков, например, Мёртвого Хозяина Дом, как по привычке называют его окрестные жители, или Тринадцатая редакция, как величают её в Москве.

Располагается она в самом центре города, на Достоевской стороне. «Мы на Достоевской стороне, а Достоевский за это – на нашей!» – обычно объясняет по телефону Галина Гусева, и никто с ней не спорит.

Стоящие плечом к плечу дореволюционные дома образуют неожиданно просторный двор, в народе именуемый «карманом». Войти и даже въехать в него можно сквозь две массивные арки, расположенные с южной и с северной стороны. О существовании этого «кармана» знают почему-то только местные жители, и немало споров было выиграно ими благодаря этому тайному знанию. С улицы-то ни за что не скажешь, что тут, в царстве тесных дворов-колодцев, притаился такой оазис. «Спорим, что через вон ту арку мы попадём во двор размером с футбольное поле?» – обычно спрашивает местный. «Да ну, какое там поле, максимум – с футбольные ворота», – смеётся приезжий. «Спорим на чирик?» – «Спорим». Очень полезный «карман», словом. В самом его центре красуется чудом уцелевший небольшой, почти игрушечный двухэтажный домик, носящий зловещее название Мёртвого Хозяина Дом. Когда-то давно в нём было два полноценных этажа, но со временем первый этаж превратился в подвал: то ли

почва просела, то ли несколько поколений асфальтоукладчиков, орудовавших в этом районе, пытались закатать непокорный домишко в асфальт. Но здание не поддавалось, а только всё глубже и глубже вращало в питерскую зыбкую почву и, кажется, меланхолично пускало корни.

На крыше игрушечного домика красуется башенка, украшенная жестяным флюгером в виде ветряной мельницы. Внутри этой башенки довольно тесно, но в неё можно свободно подняться, поглядеть в круглые окошечки, обращённые на все четыре стороны света, убедиться в том, что со всех этих четырёх сторон домик окружен никаким не светом, а обшарпанными стенами соседних домов, и поскорее спуститься вниз. Например, на второй этаж, где располагается приёмная. Непонятно, за какие заслуги эта просторная комната получила название «приёмная» – никаких приёмов тут не проводят, а с важными посетителями Даниил Юрьевич и Константин Петрович предпочитают встречаться на их территории. Тем не менее приёмная гордо носит своё имя и менять его на какое-то другое пока что не собирается. В приёмной с незапамятных времён стоят: уютный потёртый диван, некогда красный, а теперь скорее пёстрый; журнальный столик, на котором, кажется, можно найти любые газеты и журналы из когда-либо выходивших, кофейный автомат, умеющий творить чудеса; есть здесь и крохотная кухня, так ловко спрятавшаяся от чужих, что и свои её не всегда находят; и старомодная гардеробная стойка, давно уже растерявшая овальные алюминиевые номерки, и уйма стеллажей, заваленных папками, коробками, книгами, grossбухами, канцелярскими принадлежностями и так далее. Понятно, что в приёмной сотрудники Тринадцатой редакции проводят не меньше времени, чем на своих рабочих местах, а одному сотруднику – референту Наташе Кудрявцевой – повезло больше всех. Потому что небольшая конторка, расположенная в приёмной, рядом с дверью в кабинет шефа, как раз и является её рабочим местом.

Считается, что в Мёртвого Хозяина Доме отродясь ничего хорошего не случилось с тех пор, как этот самый хозяин, умирая, проклял своих погубителей и наказал им, а заодно и всем остальным людям вообще, под страхом страшной смерти не переступать порога его заповедного жилища. Впрочем, самые прогрессивные сплетники района утверждают, что бояться больше нечего и Мёртвый Хозяин уже несколько лет как обрёл покой.

Но Шурик всё равно верит, что если очень попросить, то Мёртвый Хозяин поможет. Часто именно так и бывает, но сегодня даже этот всемогущий гений места был бессилён перед бездушным роботом, отвечавшим (с каждым разом всё более и более раздражённым голосом): «Абонент выключен или находится вне зоны действия сети!» В последний раз он, кажется, даже добавил: «Ты что, русского языка не понимаешь?»

Но, скорее всего, Шурику показалось. Он же сегодня так и не позавтракал – а теперь уже нет никакого смысла завтракать, обедать пора.

Интересно, куда запропастилась Маша Белогорская? Уж не случилось ли с ней чего? А может быть, она как раз сейчас вносит последние штрихи в «Роман с Вампиром» и скоро пришлёт его по почте?

Нет ничего хуже неопределённости. Поэтому Шурик, глубоко вздохнув, отправил своему московскому руководству прогрессивный иронический триллер «Эвакуированные эвакуатором», решительно перевёл компьютер в ждущий режим и вышел из кабинета.

Если у Лёвы есть две фазы ярости, то у Шурика – два режима питания. Жрущий режим и режим ожидания еды. Хотя по нему этого не скажешь. Впрочем, очень часто ожидание затягивается: если Шурику попадает в руки какое-нибудь интересное дело, будь то увлекательная рукопись или особо хитроумный носитель желания.

Сегодня Шурик твёрдо решил поставить редакционный рекорд по обжорству. И непременно совершил бы этот подвиг, если бы в приёмной не наткнулся на загадочного незнакомца. То есть на первый взгляд тот выглядел не очень загадочно, а напоминал скорее одного из Наташиных однокурсников, очередного её безнадёжного поклонника, обнаглевшего настолько, чтобы заявиться к владычице своих грёз прямо на работу. Но из первых же фраз, произне-

сённых незнакомцем, стало понятно, что он может быть кем угодно – только не несчастным влюблённым.

– Буду вам признателен, если вы сообразовите доложить обо мне начальству, – спокойным, но при этом не терпящим возражений тоном проговорил этот спортивного вида парень, из породы тех, чьи портреты печатают на плакатах, призывающих горожан заниматься зимними, весенними, летними и осенними видами спорта.

– Простите, а что именно я должна доложить начальству? – уточнила Наташа и потянулась к трубке местного телефона.

– Доложите, что я пришел, и спросите, когда меня смогут принять.

– Хм... А как вас представить... Просто, извините, Даниил Юрьевич ничего о вас не говорил, и я не знаю, – заробела Наташа. Шурик замер в отдалении, прикидывая, как бы прийти ей на помощь, но незнакомец был неумолим.

– Разве я сказал, что пришел к Даниилу Юрьевичу? – надменно поинтересовался он. – Мне нужен Александр Андреевич.

– Ой, то-то я и думаю, что вы такой странный! – облегчённо вздохнула Наташа и снова заулыбалась. – А вы просто ошиблись. Тут нет никакого Александра Андреевича!

– Ну, кроме меня, – вышел на середину приёмной Шурик, – но меня по имени-отчеству никто не называет.

– Сочувствую, – коротко ответил незнакомец, критическим взглядом окидывая Шуриков прикид – между прочим, исключительно модный, как по MTV показывают. – Однако на дверях у вас висит табличка, извещающая о том, что это – филиал издательства «Мегабук». Это оно?

– Оно самое, – снова насторожилась Наташа.

– Тогда придётся повторить просьбу. Мне нужен главный редактор.

– Он в Москве, – хором ответили Наташа и Шурик.

– Я знаю, что главный редактор всего холдинга живёт и работает в Москве, – терпеливо сказал незнакомец. – Мне нужен его санкт-петербургский эквивалент.

– Слушайте, не хотелось бы вас огорчать, – от смущения переминаясь с ноги на ногу, произнёс Шурик, – но тогда это точно я. Просто другие совсем не этим занимаются. А вы, наверное, практикант? Тогда будем знакомы. Шурик.

– Денис, – ничуть не смущаясь, юный атлет вполне светски улыбнулся своему будущему начальнику и протянул руку для рукопожатия. – Я к вашим услугам.

– Ой, ребята, мне срочно надо выйти, – старательно сдерживая подступающий к горлу смех, сказала Наташа.

– Не волнуйся, мы уже уходим. Денис, ты не против, если мы пообедаем вместе, заодно познакомимся? Я вот тут как раз пожратки иду.

– Не самое подходящее время, но...

– Я знаю, – обезоруживающе улыбнулся Шурик, – просто я сегодня не завтракал.

– Это не слишком полезно для здоровья, – покачал головой Денис, следом за Шуриком выходя на лестницу. – Видите ли, наш организм устроен таким образом...

Каким именно образом устроен наш организм, Наташа уже не услышала. Зато она наконец-то смогла позволить себе расхохотаться.

Маша Белогорская сама не понимала, как ей удалось создать что-то интересное. Ей казалось, что вот вот маски будут сорваны и обаятельный редактор Саша продемонстрирует когти и клыки, рассмеётся ей в лицо и скажет что-нибудь вроде: «Ты что, в самом деле поверила, будто твой «Роман с Вампиром» кому-нибудь нужен? Вот дура!»

Так, во всяком случае, всегда поступала с ней мать. С самого детства она информировала дочь о том, что та, во-первых, всю жизнь ей испортила своим поспешным появлением на свет, во-вторых, никогда не выйдет замуж, потому что никто на неё, такую тихоню, никогда не обратит внимания, в-третьих, она слишком много разговаривает и, вообще, в последнее время

совсем наглая стала. Мать ей сейчас дело говорит, а она в стену уставилась, ишь, умная очень. А если умная – то почему её опять с работы уволили? Они обязаны, слышишь ты, обязаны были дать тебе этот отпуск по уходу за больной, немощной матерью. Да, третий раз за месяц. А что делать, если мать такая немощная, что часто болеет и нуждается в уходе? Не такая уж и немощная? Нет, вы только посмотрите на эту нахалку – матери больной хамит! Пепельницу бы лучше вытряхнула, чем ворон считать! Вся в отца своего – ни стыда, ни совести, мать – единственный её близкий и родной человек, кто ещё правду-то скажет, кроме матери? Вот умрёт мамочка – тогда поплачешь, тогда поймёшь, какого святого человека ты потеряла, а сейчас-то, конечно, в стену смотрит, пепельницу через раз вытряхивает, матери перечит!

Вместо того чтобы позволить Маше поселиться отдельно, в квартире, оставшейся в наследство от бездетной двоюродной тётки, мать предпочитала держать дочь при себе, а квартиру сдавать приезжим. Это, во-первых, прибыль (мадам Белогорская наконец-то получила возможность уйти с работы и вдоволь поболеть разными вымышленными болезнями, никак не проявляющимися внешне, но заставляющими её ужасно страдать), а во-вторых, под боком всегда есть замечательный безответный собеседник, с которым в любой момент можно поговорить на насущные темы. Например, о том, как она, дочь-нахалка, укорачивает дни и часы родной матери, которой и без того недолго осталось жить на этой земле.

Таинственный Дмитрий Олегович появился очень вовремя: как раз в тот день, когда Маша дописала «Роман с Вампиром», в который она целый год пряталась от упрёков и обвинений матери.

Она подключилась к Интернету. Глубоко вдохнула и задержала дыхание. И отправила файл редактору Саше. Зачем? Ведь не пройдет и пары дней, как от него придет ответ: «Ужасно! Что вы о себе возомнили? Таким, как вы, не место на этой планете!»

Разумеется, уже через день от Шурика пришло восторженное письмо с просьбой внести минимальные правки, а потом приходило в редакцию подписывать договор. Но пока этого не произошло, Маша чувствовала себе особенно безнадёжной душой, поверившей в какой-то там шанс неизвестно на что.

Мать ещё с утра выдала ей стандартный набор упрёков и обвинений и, с чувством выполненного родительского долга, заперлась в своей комнате и включила погромче телевизор – чтобы нахалка не смела перечить.

«Нахалка» и не думала перечить. Ей хотелось выйти на свежий воздух, погулять по Невскому, выслушать чужую жизненную историю, посочувствовать, позавидовать. Но все подружки были заняты: у одной свидание, у другой срочная халтура, у третьей ребёнок приболел, четвёртая села на диету и решительно отвергает все соблазны, включая невинное предложение просто пройтись по улицам: «Знаю я это твоё пройтись – а потом на весь вечер засядем в какой-нибудь кондитерской!»

Без особой надежды на успех Маша позвонила однокласснице, которую не видела уже года три, и та неожиданно пригласила её в гости – дескать, забегай на чашечку чая, если тебе скучно, у меня тут собралась интересная компания, знаменитости, иностранцы и так далее, сидим, болтаем, знаешь ли.

Едва только Маша сняла в прихожей плащ и уличную обувь, как одноклассница накинулась на неё, обделяя вниманием знаменитостей и иностранцев.

– Пойдём, пойдём скорее на кухню, я тебе кок-тейльчик такой сделаю – вырви глаз! Выпьём, поговорим. Бедная ты, Машка, девочка. Бедолажечка. За три поколения воз тянешь.

– Если бы. Мама говорит, я вообще ни на что не тяну.

– Зато она из тебя все силы тянет. Съезжала бы ты от неё, а? Тебе поскорее надо в чистый лист превратиться, раз твои предки по женской линии тебя так кинули.

– Слушай, я не очень понимаю, извини.

– Ну, раньше-то как было? Из поколения в поколение мать рассказывала дочери все женские секреты. Не для того, чтоб женихов клеить, а просто чтоб жить было понятнее. Тебе мать какие-нибудь секреты рассказывает?

– Говорит, что все мужики – козлы.

– Это ж разве секрет? Да об этом на каждом углу кричат! К тому же утверждение не будет полным без второй части уравнения: «Все бабы – дуры». А ведь мы же с тобой не дуры? Верно, Машка? Значит, не сходится задачка с ответом.

– Не знаю. Я, кажется, дура. Полная, круглая и законченная.

– Этот потрясающий секрет тебе тоже матушка открыла? Забей ты на всё, что она говорит. Только тогда сможешь открыть мир заново, такой, какой он есть.

– Знаешь, это для меня, кажется, слишком сложно.

– Ох, Машка, Машка...

Выполнив долг гостеприимной хозяйки, подруга упорхнула в гостиную, оставив Машу на кухне, наедине с печальными мыслями и коктейлем «вырви глаз».

Кухня была как раз напротив входной двери. Дмитрий Олегович Маркин уже совсем было решил уйти из этого бесперспективного дома, как вдруг почувствовал присутствие носителя. Он прикрыл глаза, пошарил в воздухе рукой, будто пытаясь нащупать невидимый пульт управления. И решительно двинулся на кухню.

Дмитрий Олегович не считал себя красавцем, полагал, что обладает вполне неприметной внешностью, и тщательно культивировал эту неприметность. Но если мунгам как-то удаётся скрывать от посторонних людей свою силу, то шемоборы не умеют (а всего вернее – не желают) таиться.

В разных культурных традициях существуют свои легенды, объясняющие происхождение шемоборов и мунгов. Люди ничего не знают о них, но их присутствие невозможно не почувствовать. Впрочем, дальше абстрактных философских построений дело пока не идёт. И даже очевидный для современного представителя западной цивилизации ответ на вопрос – кто же из них плохой, а кто – хороший? – многие века является предметом споров для неисчислимых поколений земных мудрецов.

С незапамятных времён шемоборы бродят по свету и по особому блеску в глазах вычисляют людей, в сердцах которых зреют и ждут исполнения заветные желания невиданной силы. Каждый из таких людей иной раз готов душу продать ради того, чтобы его мечты исполнились, – и шемобору главное не зевать, а, напротив, уловив удачный момент, подсунуть своей жертве три экземпляра договора на покупку души, пообещать взамен исполнение желания и получить от руководства награду за содеянное. Непосредственным исполнением желаний занимаются уже совсем другие сотрудники, которых так и называют – исполнителями. Шемоборы, как правило, работают по одиночке и перемещаются с места на место так быстро и незаметно, что кажутся почти неуловимыми. Впрочем, иногда мунгам всё же удаётся уловить их и устранить. Но и шемоборы в долгу не остаются – стоит какой-нибудь команде мунгов по неосторожности обнаружить себя, как особый шемоборский смертоносный серый отряд немедленно карает её за неосторожность. Смертью.

Шемобор-агент – это наконечник стрелы, несущийся навстречу цели. Он постоянно находится в свободном поиске, перемещается из города в город, из страны в страну, колесит по миру, подписывая договоры, вероломно выхватывая добычу из-под носа у других шемоборов. Такой тип в любой момент может залечь на дно, но порой забывается, преисполняется веры в собственное могущество и незамедлительно бывает пойман и нейтрализован противником.

Когда Дмитрий Олегович вошел на кухню, все вампиры вселенной возрыдали в голос, потому что Маша Белогорская моментально о них забыла.

Он был таким, как она даже мечтать не смела (но иногда, немного выпив для храбрости, всё-таки мечтала). Уверенные, чуть ленивые движения, насмешливая улыбка. Серые глаза,

русые волосы, тёмные брюки, светлая рубашка – вроде бы ничего особенного? Но, мельком взглянув на него, Маша уже не могла отвести глаз.

Шемоборам не нужны Разведчики и Техники: увидев носителя, они, не теряя времени, идут на приступ.

Дмитрий Олегович давно уже ждал встречи с таким человеком, чтобы не просто выполнить свой шемоборский долг и подписать необходимый договор, но для начала выпросить, выпытать, выцарапать то самое желание, ради которого клиент готов на всё. Маша была идеальной кандидатурой – как она ни пыталась опускать глаза, как ни садилась скромно на самый краешек табуретки, как ни тянулась робко к протянутой зажигалке, чтобы прикурить необходимую ей для поддержания разговора сигарету, – всё равно за версту в ней было видно носителя, причём такого, который сам толком не осведомлён о своём желании.

– Вы такая интересная девушка, – совершенно искренне сказал ей на прощание Дмитрий Олегович, когда такси уже ждало его во дворе. – Уверен, очень скоро мы встретимся снова.

– Конечно, я тоже в этом уверена, – из вежливости пролепетала Маша, прекрасно понимая, что никогда больше ей не светит встреча с этим изысканным джентльменом.

Через два дня Дмитрий Олегович, наскоро и без вдохновения разделившийся с предыдущим носителем, позвонил ей и назначил встречу. Сказал: я хочу вас видеть, выбирайте, где это произойдёт. Маша твёрдо решила, что обмирать от счастья она будет позже, а сейчас надо не прогадать с выбором места. Кино не подходит: там темно, можно ненароком прижаться коленом к колену соседа; музей – решит, что она синий чулок; прогулка по городу – а вдруг дождь, и он раскроет зонтик, и придётся вцепиться в его руку; концерт в клубе – шумно и надо танцевать, возможно даже медленные танцы, а она такая неловкая; по той же причине отпадают клубы вообще, ресторан – вдруг он решит, что ей нужны только его деньги; мама говорила о новой экспозиции в Эрмитаже, но тут надо разбираться в искусстве, иначе можно опозориться... «Может быть, встретимся в кофейне? Я почему-то полюбил «Восточный эспрессо», и вам там, вполне возможно, понравится», – перебил этот бесконечный внутренний монолог нетерпеливый Дмитрий Олегович. И правильно сделал. Иначе бы Маша так и не обмерла от счастья, потому что всё перебирала бы и перебирала в уме варианты совместного проведения досуга.

В кофейне девушке и в самом деле понравилось: светло, просторно, вокруг разные люди снуют, которые, в случае чего, могут заступиться, да и уйти можно в любой момент – дверь не заперта.

– Мне очень стыдно, но признаюсь сразу, – начал Дмитрий Олегович и замолчал. Неужели он ошибся?

Клиентка совершенно не походила на носителя желания – куда-то пропали все качества и признаки, которые он отметил при первой встрече.

– Вы женаты? – воспользовавшись паузой, робко спросила Маша. – Но это ведь ничего... Мы же... просто разговариваем.

– Я холост, если вас это интересует. Но сознаться я хотел не в этом. Видите ли, в чём дело. По роду своей профессиональной деятельности я, как бы это сказать...

Нет, в самом деле, её как будто подменили!

– Вы убиваете людей? – прошептала Маша. Слово «киллер» не шло к этому человеку, но на наёмного убийцу он вполне тянул.

– Знаете, вы тут столько обо мне уже придумали, – с притворной обидой в голосе произнёс Дмитрий Олегович, – что мне уже ни капельки не стыдно за то, что я работаю психоаналитиком. Обычно девушек это нервирует. Они думают, что я их гипнотизирую.

«Гипнотизируйте меня, пожалуйста, как можно дольше», – мысленно попросила Маша. А вслух сказала:

– Знаете, я такой псих. Что мне очень кстати будет знакомый аналитик.

– Вот и чудесно. Тогда как ваш аналитик предлагаю немедленно заказать вот этот штурдель и побольше кофе. Идёт?

Маша кивнула и приободрилась. Наверное, на фоне настоящих психов она выглядит очень даже нормальной. Ведь не стал бы этот восхитительный мужчина в свободное от работы время общаться с человеком, напоминающим клиентов?

На какое-то мгновение Дмитрий Олегович снова увидел в ней носителя. Яркая вспышка – а потом все признаки и качества вновь исчезли. Да, эта девушка и в самом деле не была похожа на обычного клиента. Это была не просто работа. Это был вызов.

Практиканта Шурик представлял совсем не так. Это должен был быть весёлый обалдуй (вроде него самого или, к примеру, Виталика), с которым можно смотаться в обеденный перерыв в пышечную или выпить вечером, прямо в кабинете, по бутылочке пива, когда зануда Цианид уже свалит домой и перестанет выслеживать нарушителей трудовой дисциплины. Выпьешь с таким, как же. Сразу побежит к начальству с докладом, с такого станется. А потом ещё расскажет, каким образом устроен наш организм.

Впрочем, Денис тоже ожидал увидеть несколько иную картину. Будущий начальник Александр Андреевич – человек, работающий с рукописями, позволяющий появиться на свет книге, – должен был быть (или хотя бы выглядеть!) лет на двадцать постарше и уж конечно значительно солиднее. Впрочем, приёмная тоже могла быть попросторнее и почище. А секретарша – посообразительнее. Кажется, она даже не знает отчество начальства. Неслыханно!

– Сейчас мы будем обедать в очень странном месте, – предупредил Шурик. Он решил сразу обрушить на голову практиканта всю правду, как бы горька она ни была. Пусть посмотрит, в каких гадюшниках вкушает бизнес-ланч Александр Андреевич, а то будет потом канючить: это у вас несолидно, то у вас не по уставу. Денис хладнокровно кивнул – он был не робкого десятка.

Неподалёку от Московского вокзала, в потайной подворотне, притаилась рюмочная «Петушки». Сёстры Гусевы утверждают, что такая же точно рюмочная, только ещё более законспирированная, есть возле Курского вокзала в Москве, но кроме них её пока что никому найти не удалось. «Петушки» – воистину райское место. Для тех, кто понимает, конечно. Подвальное помещение в точности копирует внутреннее убранство самого обычного плацкартного вагона: маленькие столики, приваренные к стене, и полки в два ряда, на которых сидят, лежат, спят, выпивают, играют в карты и домино и спонтанно общаются истинные интеллигенты (каждый второй – поэт, каждый первый – запойный).

«Петушки» обнаружил Лёва. Во время одного из своих хаотических перемещений по городу он зашел и сюда – мало ли, вдруг найдётся кому морду начистить? Никого подходящего не обнаружилось: постоянные посетители за противников не каналы, и Лёва уже хотел было вылететь вон, чтобы никогда больше не возвращаться в это бесперспективное место, как вдруг почувствовал... нет, не присутствие носителя, хотя все его загулы обычно именно этим и заканчивались. Информационное пространство «Петушков» было абсолютно чистым, пустым и нетронутым. Лёва прошелся между рядами скамеек: люди разговаривали, чокались, даже спорили. Звон стаканов и гул голосов, невнятные крики и храп изрядно засидевшихся, вернее, залежавшихся посетителей – всё это было тут, рядом, но ни слова, ни мысли выхватить из общего шума не удавалось.

Лёва вмиг пришел в себя: всё говорило о том, что здесь, в «Петушках», прямо сейчас засел кто-то, кто умеет ставить защиту. Причём так профессионально и неуловимо, что даже он, человек бывалый, не сразу понял, что к чему. Первая шальная мысль – найти этого гения, выпить с ним как следует, потом притащить в Тринадцатую редакцию и таким образом попытаться отделаться от проклятого выскочки и карьериста Цианида – была, конечно, заманчивой,

но опасной – неизвестно, кто он такой, этот таинственный воин. Поэтому Лёва быстро успокоился и решил позвать сюда коллег, причём как можно скорее и желательно – всех сразу.

После тщательной коллективной проверки ничего выяснить не удалось: обслуживающий персонал и посетители менялись, а защита оставалась. Упрямые Марина с Галиной даже дежурство установили: по очереди сидели в заведении, пытаясь улучшить момент, когда же этот титан мысли устанет, ляжет поспать и отпустит защиту прочь. Но устали – страшно сказать – они сами. От тупого сидения на месте и ожидания неизвестно чего, от отсутствия битвы и куража, да и без коллег было скучновато. В итоге случилось и вовсе немыслимое: стальные бабульки хором пожаловались на усталость и на целые сутки отпросились с работы, чтобы выспаться и восстановить силы. Только после этого феноменом «Петушков» заинтересовалось верховное начальство. Упитанный весельчак Кастор потратил на его изучение пять минут своего бесценного (и бесконечного) времени, после чего вынес вердикт: «Петушки» сами поставили защиту, по собственной инициативе, на радость посетителям и себе на процветание. Рассчитывать на неё особенно не стоит – взломать такую защиту довольно просто, было бы желание, но если вдруг у кого-то возникнет охота посекретничать о разной чепухе, не имеющей отношения к работе, – то это место идеально подходит для такого развлечения.

«Любопытный феномен, я изучу его на досуге!» – заявил Цианид и в самом деле стал часто сюда заходить. Злые языки (сёстры Гусевы преимущественно), впрочем, болтали, что это всё оттого, что напиться в «Петушках» можно почти за те же деньги, что и дома, в одиночестве. Но в одиночестве пьют только алкоголики, правда ведь? Кроме того – зачем платить больше, когда есть прекрасная возможность платить меньше?

Уже много позже Виталик с Шуриком, забежавшие в «Петушки» обсудить одно пустяковое, но всё же тайное дельце, нашли среди прочих дивных коктейлей местного производства совершенно потрясающий, не имеющий себе равных. Назывался он «Бальзам Царя Соломона», стоил как четыре обычных коктейля «Водка с водкой» и изготавливался из двух десятков разнообразных горючих жидкостей под барной стойкой, в строгой тайне – чтобы посетители раньше времени не испугались, а конкуренты – не спёрли идею. После одного стакана такого коктейля клиент, как правило, рассказывал о себе всю правду, всю неправду, переходил на личности, демонстрировал свои самые худшие, до поры скрытые, качества, потом обнажал душу и вскоре засыпал тихо и невинно, забыв обо всём сказанном и сделанном.

Денис хладнокровно вступил под своды «Петушков». Однако обстановка рюмочной смутила даже его.

– Надеюсь, это был элемент юмора? – с тревогой спросил он у Шурика, когда тот направился к барной стойке. – Тут явно никогда не ступала нога санинспектора.

– Что вы, нет, конечно же нет! – с обидой в голосе произнёс бармен. – Как вы могли такое подумать! Ни санинспектора, ни пожарной охраны, ни других официальных лиц. Оттого-то у нас такая свободная атмосфера и такие привлекательные цены! Заходите, не стесняйтесь.

«Забавно, – подумалось Шурику, – а они вообще знают о том, что у них тут защита? Или думают, что просто везёт и никому дела нету до их кошмарной лавочки?»

Несмотря на полное отсутствие контроля со стороны государства, в «Петушках» ещё ни разу никто не отравился пищей. Вот алкогольные отравления случались – после нескольких суток усердного служения Бахусу, но с кухней здесь был полный порядок. Поэтому Шурик всегда смело заказывал себе несколько порций – и тащил в ближайшее свободное купе. На этот раз он тоже сделал весьма солидный заказ. Когда же очередь дошла до Дениса, тот потребовал бутылку холодной негазированной воды и с негодованием отверг предложенный стакан.

– С горла привычнее, – по-своему понял его брезгливость бармен, – мы понимающие, чё.

О существовании «Бальзама Царя Соломона» Шурик рассказал Денису сразу же после того, как расправился с первой тарелкой супа и кое-как притомил первый голод. Денис дал понять, что он ничему уже не удивляется и готов поверить в любую мерзость. Шурик поведал

о волшебных свойствах напитка и предложил выпить его на брудершафт... Ну, то есть не в том смысле, что переплести руки, поцеловаться и перейти на ты – а иносказательно. То есть открыть друг другу всю правду, какова бы она ни была. Ведь два таких непохожих друг на друга человека смогут сработаться только в том случае, если с самого начала между ними не будет недомолвок.

Денис с уважением посмотрел на Шурика и сделал вывод, что внешность и манера себя вести – обманчивы. Он уже читал об этом в приключенческих романах, но только сейчас смог убедиться на практике – у Дениса был не слишком большой опыт общения с людьми, да он и не стремился его пополнить.

– Для того чтобы рассказать о себе всё, что я найду сколько-нибудь занятным, мне не нужно травить себя этой мифической отравой. За вами, впрочем, я оставляю полное право поступать так, как вам кажется правильным.

– Договорились, – постановил Шурик. – На брудершафт пить не будем, но на ты перейдём. Ваш ход, господин... Тыфу ты, извини, со мной такое бывает иногда. Стоит мне начать общаться с интересным человеком, и я тут же перенимаю его манеры.

Денис от смущения уставился в пол – впервые в жизни его просто так, ни за что ни про что, назвали интересным человеком. И – самое главное – ещё до того, как он продемонстрировал свои поистине уникальные способности. После этого ничего не оставалось, как рассказать Александру Андреевичу всё – или почти всё, во всяком случае, не меньше, чем Даниилу Юрьевичу.

Денис родился в Москве, в довольно известной и состоятельной семье. Он был единственным сыном, но при этом – младшим братом весьма эгоистичной, капризной и ревнивой сестры. Алиса была в ярости, когда родители поставили её перед фактом, что скоро у неё родится очаровательный братик. Когда же братик в самом деле родился и оказался куда более очаровательным, чем все предполагали, девочка просто рассвирепела. Извести конкурента, отбирающего у неё родительскую любовь, – такова была её главная цель. Алиса пыталась колдовать (естественно, безрезультатно), подсыпать братцу в кашу какую-то отраву (не менее безрезультатно), насыпать на него порчу (смех, да и только!), наговаривать на него родителям (а вот это уже стыд и позор!), но ничего серьёзного не добилась.

Денис довольно рано усвоил, что от сестрёнки ему лучше бы держаться подальше – и держался, насколько позволяли обстоятельства. В какой-то момент она неожиданно начала находить «мелкого» вполне занятым и время от времени даже была к нему необыкновенно добра. А иногда – необыкновенно зла. Что творится в голове у этой девчонки, не могли понять ни родители, ни учителя, ни подруги. Впрочем, это было не слишком важно – Алиса была красавицей и богатой наследницей, особая сообразительность ей была ни к чему, а слухи о том, что она время от времени поколдовывает, даже придавали ей очарования. Пока, во всяком случае.

Для того чтобы в случае чего отбиться от яростной сестрицы, Денис начал заниматься спортом, часами упражняясь в домашнем спортзале, свободное время посвящая чтению книг в домашней библиотеке. Но ни в одной из книг он не нашел объяснения поведению своей старшей сестры, продолжавшей кидаться из крайности в крайность, изводя его то бешеной любовью, то яростной ненавистью. Когда пришла пора идти в школу, Денис честно в неё пошел, из вежливости посетил все доступные первоклассникам уроки и только после этого попросил родителей нанять ему домашних учителей, чтобы не тратить время, поджидая, пока отстающие усвоят то, что лично ему понятно без всяких объяснений.

Однажды вечером, когда родители, как обычно, разъехались по делам, а Денис, уютно устроившись на балконе с термосом какао, перечитывал томик Стриндберга, вернулась с вечеринки Алиса. Она была совершенно, невыносимо прекрасна – и так же невыносимо пьяна. И вот тут в голове у Дениса – или, может быть, не в голове, просто тогда ему казалось, что все зна-

ния производятся и хранятся в голове, – что-то сдвинулось, совершенно неуловимо, как будто встали на место два фрагмента из пазла, сошлись две половинки моста, словом, он совершенно отчётливо услышал то, что слышать бы, по идее, не должен: «Чтобы ты сдох, дорогой братик, чтоб тебя в землю закопали и надпись написали, всё из-за тебя, если бы не ты, меня бы все на свете любили, а теперь есть ты, а я хочу, чтобы тебя не было!»

Можно было с уверенностью сказать, что этих слов Алиса не произносила – она их думала. Потому что приближалась она к брату с вполне дружелюбной улыбкой, а то, что одну руку держала за спиной, – так мало ли, вдруг там сюрприз какой-то. Догадываясь, что сюрприз может оказаться не слишком приятным, Денис, словно повинувшись внезапному импульсу, взлетел на парапет, затем перебрался на карниз и пошел по стене с таким расчетом, чтобы сестрице его было не достать.

– Вот гадёныш! – погрозила ему ножом Алиса и захлопнула балконную дверь. Нож она стащила на вечеринке, чтобы по дороге решить, на что его лучше употребить: на устранение младшего братца или на сведение счётов с жизнью. В итоге она зашвырнула опасную игрушку за массивный комод, так, что нашли её только через несколько лет, во время перепланировки комнаты.

Вернувшись ближе к ночи родителям Алиса заявила, что братишка-то, наверное, обчитался книжек и перевозбудился – по карнизам прыгает, хочет разбиться насмерть, вероятно, чтобы огорчить всю семью. Камера наружного видеонаблюдения подтвердила её слова: вот мальчик сидит и, закусив губу, внимательно читает книгу, вдруг его лицо принимает странное, удивлённо-нездешнее выражение, после чего ребёнок стремительно срывается с места, прыгает на карниз и пропадает из зоны видимости камеры. Балконная дверь захлопывается, но старшая сестра, сжимающая в руке нож, в кадр не попадает. Конец фильма.

Денис не стал вдаваться в подробности и согласился с тем, что у него слегка помутилось в голове от излишне сложной литературы – да и какие доказательства он мог бы предъявить? Детскую ревность Алисы, о которой давно уже не было никаких напоминаний? Нож, который сестра, по его мнению, спрятала так, что захочешь – не найдёшь? Кроме того, гораздо важнее было то, что произошло в его голове за несколько секунд до нападения красотки, получившей первый в своей жизни (и, кажется, до настоящего момента вообще единственный) отказ. Так же, как родители (в компании семейного врача) прокручивали видеозапись его странного прыжка с балкона на карниз, Денис прокручивал в голове те мгновения, когда в его голове отчётливо прозвучал голос сестры. В конце концов он и сам согласился с официальной версией – переутомился, перегрелся на солнце, пока однажды в гостях не «услышал» мысли одного из степенных пожилых людей. Мысли были такие, что Денис даже покраснел. Вот уж это ему точно не могло прийти в голову, да и в книжках, которые он выбирал для чтения, о таком не писали!

Денис вынужден был признать, что тестировать это новое, необычное умение можно только среди людей. Так что, на радость родителям, которым нравилось хвастаться своим умненьким и серьёзным отпрыском, и на зависть Алисе, считавшей, что Денис это всё задумал нарочно, для того чтобы как-то затмить и уязвить её, мальчик начал регулярно посещать места скопления публики. Публика думала одно, говорила другое, а делала зачастую третье. Денис так и не догадался, что он «слышит» не мысли, а желания окружающих. Поэтому, со всей отпущенной ему природой подростковой категоричностью, он решил, что люди просто очень мало и редко думают, а когда начинают думать, то получается и вовсе чепуха. Когда он поделился своим открытием с Алисой, вновь сменившей гнев на милость по причине обретения целой коллекции поклонников, она немедленно объявила его слегка тронутым и упростила родителей нанять для любимого братишки самого модного в этом сезоне психоаналитика.

Психоаналитиком оказался какой-то светский сумасшедший, герой всех самых скандальных ток-шоу и вечеринок, эксцентричный молодой человек с ярко-синими контактными лин-

зами, с осветлёнными волосами, перьями, торчащими во все стороны, в костюме клоуна-космонавта, да и прозвище было у него под стать внешнему виду: доктор Психеос. Семейный врач отнёсся к собрату не то чтобы даже скептически – он в нём (совершенно, кстати, справедливо) собрата не увидел, однако этот опереточный Психеос почему-то показался родителям Дениса крайне убедительным. Когда он нашел мальчика нездоровым, произнеся в доказательство своих доводов некую заковыристую фразу на латыни, они попытались было спорить, но, сраженные новой латынью, отступили и приготовились платить бешеные деньги за излечение совершенно здорового человека от вымышленного психического недуга. Если бы Денис присутствовал при разговоре, он бы разоблачил шарлатана. Все латинские изречения были не сложными диагнозами, а известными крылатыми фразами и поговорками.

Опять всё пошло наперекосяк! Втайне Алиса надеялась, что доктор Психеос найдёт какие-нибудь уникальные отклонения у неё – в текущем сезоне это было бы очень актуальным штрихом к портрету светской тусовщицы. Надо сказать, что поначалу и сам доктор Психеос считал Алису более интересной клиенткой. В её поведении прослеживались все признаки носителя желания. Но, к сожалению, при ближайшем рассмотрении барышня оказалась бесперспективным вариантом – желания то вспыхивали, то гасли в её сердце, и ни одно она не могла довести до конца – до состояния заветного, самого-самого, выполнимого. Зато из младшего братишки вполне мог бы – при некотором стороннем вмешательстве – выйти толк. И, безусловно, вышел бы, если бы один из домашних учителей Дениса, не попавший под обаяние модного «доктора Психеоса», не потребовал для своего ученика независимого медицинского освидетельствования. Естественно, мальчика признали нормальным, и, когда (на радость семейному доктору, снова почувствовавшему свою незаменимость, нужность и значимость) с глаз всего семейства спала пелена, родители Дениса даже друг другу не смогли объяснить, чем их так заморозил этот крашеный фрик. Крашеный фрик, кстати, проворно исчез в неизвестном направлении, едва только перспектива независимого медицинского освидетельствования замаячила на горизонте, и теперь даже Алисе хотелось, чтобы негодяй был найден и призван к ответу.

Денису было всё равно, что случится с этим человеком, – да, он был интересным, крайне необычным собеседником, но слишком часто увлекался, впадал в самолюбование, полагая, видимо, что Денису безумно интересны истории его побед и подвигов. Он к ним даже не прислушивался – так, парил мыслями где-то поблизости, чтобы суметь вовремя ответить на вопрос. Доктор Психеос, кстати, мало того что постоянно использовал шемоборские техники подавления собственных желаний, так ещё и от природы не был склонен к ярким проявлениям эмоций. Поэтому в присутствии пациента он ни разу не пожелал ничего такого, что Денис мог бы «услышать», – и это полное отсутствие мыслей на фоне яркой внешности и завиральных рассказов было очень и очень подозрительно. Но кто бы поверил мальчику, у которого нелады с головой?

После исчезновения лжедоктора, который, поговаривали, принуждал кого-то из своих клиентов подписывать некие странные договоры потустороннего свойства, СМИ накинута на эту историю и с жадностью и урчанием стали её обглаживать. Не избежал повышенного внимания к своей персоне и Денис.

«Хоть бы он делся, что ли, куда-нибудь!» – с тоской думала Алиса, сама мечтавшая стать героиней скандальной хроники. «Поскорей бы об этой истории все забыли. Может быть, отправить его пока за границу?» – мысленно подпевали ей родители.

Ещё не успела схлынуть волна корреспондентов и фотографов, как Денис уловил, обобщил и оформил общее желание своих родных. Оно, признаться, совпадало и с его собственным.

Для посторонних всё было обставлено так, будто мальчик уехал учиться в Санкт-Петербург (почему не в Оксфорд? – спрашивали подруги Алисы). На самом же деле он просто уехал – чтобы учиться, жить, отдыхать, разбираться со своим странным даром-проклятием где-нибудь

подальше от семьи, которую он, кажется, уже изрядно скомпрометировал, сам того не желая. Из всех возможных вариантов будущего жилья Денис выбрал квартиру своего дедушки по материнской линии, умершего сразу после его рождения. Квартира по завещанию должна была отойти внуку в день его совершеннолетия, и в ней ничего не менялось после смерти деда, только раз в неделю приходила специальная женщина из агентства, вытирала пыль и мыла полы.

Денис въехал в старомодную квартиру на Петроградской стороне, полную воспоминаний, дедушкиных вещей и поразительно спокойную, умиротворяющую. Особенно мальчика восхитил настоящий камин в гостиной, который можно было (по специальному разрешению из ЖЭКа) топить настоящими дровами.

Дрова полагалось покупать в супермаркете, в супермаркет Денис ездил на такси, но это его не смущало. Сидя у камина и читая очередную книгу из дедушкиной библиотеки, он уносился мыслями далеко-далеко.

Случилось так, что его соседками по дому оказались сёстры Гусевы. Долгое время – наверное, где-то с полгода – старухи не замечали нового жильца, а новый жилец в свою очередь не замечал их. Впрочем, он вообще никого не замечал – люди по-прежнему казались ему не слишком интересными объектами для наблюдения. Но однажды, столкнувшись с Мариной и Галиной нос к носу на лестничной площадке, Денис чуть было не потерял голову – в самом что ни на есть прямом смысле слова. Излучаемая им сила была так очевидна, а соседки перед этим так крепко поддали, что не стали особенно разбираться, кто перед ними стоит, и с криком «Умри, шемобор!» кинулись на мальчика. Тому несказанно повезло, что за секунду до нападения он отчётливо услышал их страстное желание и, зная по опыту, что раздумывать в таких случаях нельзя, подчинился инстинкту самосохранения.

На своё счастье, Денис мог слышать – а вернее, считывать – не только заветные желания, за которыми, собственно, охотятся шемоборы и мунги, но и просто сиюминутные страстные прихоти и капризы. Последние, кстати, даже легче отследить – они похожи на яркую вспышку в темноте, тогда как настоящее желание напоминает скорее постоянный источник тепла, находящийся в прохладном помещении. Разумеется, парень ничего об этом не знал и продолжал полагать, что окружающие его люди просто слишком мало думают. Слово «шемобор» он и вовсе не разобрал, приняв его за какое-то ругательство.

Денис проворно скрылся в своей квартире и захлопнул дверь перед самым носом Марины с Галиной. Двойной удар выкидных ножей, молниеносно выхваченных из-за пазухи бешеными старушенциями, пришелся по старой, но прочной кожаной обивке, сёстры Гусевы живо протрезвели и сгруппировались, предчувствуя схватку с опаснейшим из противников. Но схватки не последовало – после того, как Денис, предусмотрительно не открывая двери, сообщил, что, так и быть, милицию вызывать не будет, потому что ему здесь жить и жить и он не намерен портить отношения с соседями, но всё-таки рекомендовал бы оным соседям пойти проспать и впредь заменять три последних рюмки лёгкой пробежкой вокруг дома, стало понятно, что никакой он не шемобор. Даже самый неопытный представитель этой братии не стал бы читать лекции, а вызвал поскорее подмогу: для расправы с двумя подвыпившими и глупо засветившимися Бойцами хватило бы и половины шемоборской бригады убийц.

Бойцы – это мунги-стражники, которые защищают свою команду от смертоносных серых отрядов, сражаясь до последнего и давая своим шанс уйти. А ещё Бойцы занимаются прямым физическим устранением (или запугиванием) появившихся на их территории шемоборов.

Опомнившись после встречи с Денисом, старухи незамедлительно доложили о своём удивительном соседе Даниилу Юрьевичу, который тут же решил на него взглянуть – и не пожалел. Денис оказался Читателем – таких, как он, уникалов, на свете считанные единицы, и все давно учтены и завербованы шемоборами и мунгами ещё с малолетства, а тут надо же – совсем взрослый парень – и ничей.

К сожалению, не все носители желаний отдадут себе отчёт в том, чего же им надо для счастья. Тогда-то на помощь и приходят ребята вроде Дениса: то, что сам человек не в состоянии понять, услышит и уловит Читатель.

Выяснив между делом, что необычный сосед сестёр Гусевых в придачу к редкому таланту отлично образован, эрудирован и обладает исключительной грамотностью, шеф Тринадцатой редакции решил, что это судьба, и пригласил мальчика на работу.

– Мне не нужны деньги, – надменно произнёс Денис.

– И это очень кстати, – обрадовался Даниил Юрьевич, – а то я боялся, что ты заломим такую цену за свой труд, что наш штатный Гобсек меня растерзает.

– Какую цену может заломить неквалифицированный работник? – пожал плечами Денис. – Если мне будет интересно, я готов работать. Если неинтересно – бесполезно предлагать мне деньги, чтобы я остался. В любом случае, книги куда занимательнее, чем люди, – люди всё-таки слишком мало думают.

Даниил Юрьевич даже зажмурился от удовольствия – Читатель был неподражаем, вот именно такого кадра и не хватало в Тринадцатой редакции для полного счастья. А чтобы счастье это было совсем уж запредельным, Денис был взят на должность практиканта, а руководителем практики ему назначили Шурика. До появления в команде Дениса именно ему приходилось разбираться с трудными и недогадливыми носителями. Такие, как Шурик, располагающие к доверительному разговору ребята, зовутся Попутчиками – им, так же как и случайным соседям по купе, совершенно незнакомым, в сущности, людям, почему-то рассказывают такое, о чём никогда не обмолвятся даже с самыми близкими. В редких случаях – когда носитель попадает уж слишком недоверчивый – Шурик прибегает к помощи «Бальзама Царя Соломона» и по крупицам собирает информацию о желании. Теперь вместо бальзама можно будет использовать Читателя – а это, надо сказать, куда эффективнее и гораздо полезнее для здоровья.

Разумеется, Денис и представить себе не мог, что он – настолько ценный кадр. Ему показалось, что старухи-соседки, устыдившись своего отвратительного поступка, решили как-то загладить перед ним свою вину. Вина, на его взгляд, была вполне заглажена – Денис ещё никогда не встречал человека интереснее Даниила Юрьевича. Впрочем, после общения с Шуриком он мог бы добавить, что никогда не видел людей интереснее Даниила Юрьевича и Шурика, поэтому, когда «руководитель практики» наконец-то насытился и предложил поскорее вернуться к работе, практикант с воодушевлением поднялся с места и последовал за ним.

Надо сказать, что Шурик, при всём своём умении слушать и слышать то, что говорят люди, так и не понял, что перед ним – Читатель. Ему показалось, что Денис – умный, начитанный, эрудированный и очень одинокой парень. Он, конечно, говорит, что люди ему не интересны. Но это немедленно выдаёт плохое знание предмета. По мнению Шурика, люди не могут быть неинтересными, бывают интересные и неинтересные собеседники, это правда, но все люди в целом и каждый человек по отдельности – крайне занимательные существа. Их так много и все они такие разные, что жизни не хватит на то, чтобы их изучить.

Уже на пути к офису, проходя мимо одной из многочисленных кофеен, угнездившихся на Лиговском проспекте, Денис приостановился, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, но Шурик тут же схватил его за руку и потащил дальше, так что ощущение пристального взгляда пропало и забылось.

«Он это или не он?» – лениво подумал Дмитрий Олегович Маркин, провожая взглядом поспешно удаляющегося Дениса, но тут же снова переключил внимание на собеседницу.

Они сидели в «Восточном эспрессо», за своим любимым столиком у окна. Маша отключила телефон и чувство самосохранения и наслаждалась каждым мгновением. Вот он посмотрел в окно. Провожает кого-то взглядом. У него чуть обветренные губы. Он носит контакт-

ные линзы. У него широкие плечи, хотя он не похож на человека, который регулярно ходит в спортзал. Весь он – спокойная сила, сознающая себя мощь.

Официантки большинством голосов решили, что эти двое ведут слежку за опасным преступником, который орудует на Московском вокзале и должен выдать себя неким неосторожным поступком, и уж тогда-то тут начнётся стрельба и пальба. Они ухаживали за «шпионами» с удвоенным энтузиазмом, но при этом в любой момент были готовы лечь на пол или скрыться в подсобке. Там, к величайшей их удаче, дверь была почти что бронированная, то есть вполне толстая и оббитая для вида листами жести. Как выглядят настоящие бронированные двери, официантки из «Восточного эспresso» не знали.

Обычно Дмитрий Олегович задавал тему разговора, а Маша развивала её, но на этот раз её с самого утра что-то тревожило, поэтому беседа не клеилась. Наконец девушка решилась, а решившись, уронила на столик меню и изрекла:

– Мне кажется, что вы что-то от меня скрываете.

«Интересно, что именно из того, что я от неё скрываю, она имеет в виду?» – лениво подумал шемобор.

– Я открыт перед вами – в пределах приличий, разумеется. Спрашивайте, я готов ответить на все ваши вопросы, – почтительно сказал он вслух.

– Признайтесь же, что вы – вампир!

Такого поворота событий её собеседник не ожидал. «Похоже, я в ней не ошибся», – поставил себе пятёрку Дмитрий Олегович и попытался обратить всё в шутку: мол, он, конечно, отказывается от блюд, содержащих чеснок, но исключительно по эстетическим соображениям, а сырой кровью незнакомых людей и вовсе брезгует – этак можно подхватить какое-нибудь заболевание, а если у жертвы предварительно взять анализ, то это ведь займёт слишком много времени, полнолуние закончится, и придётся оставаться голодным.

– У вас очень бледная кожа. И светлые глаза. И ещё вы как-то странно улыбаетесь, как будто бы прячете клыки, – Маша была неумолимо серьёзна. Она искала и находила всё новые и новые доказательства желанной версии.

– Так бы сразу и сказали, – притворно опечалился Дмитрий Олегович, – что я вам не слишком симпатичен.

Он опустил глаза, чтобы не рассмеяться. В девятом классе Дима Маркин втайне от всех воображал себя вампиром. Подолгу стоял перед зеркалом, репетируя ничего не выражающий взгляд утомлённого грешника, работал над осанкой и жестами, старался говорить как можно более низким голосом. Нет, он, разумеется, прекрасно понимал, что это всего лишь игра, но игра была такой упоительной, такой сладостной. Как приятно было иногда вообразить себя мрачным одиноким исчадием ада, пьющим из ближних жизненную силу, – и почему только никто не замечал этого? Даже верный друг Джордж – и тот списывал внезапную слабость на проблемы с атмосферным давлением, лишний стакан портвейна при полном отсутствии закуски или слишком крепкие сигареты, отказываясь признавать, что рядом с ним находится самый настоящий кровопийца. «Ну вот, нашлась хотя бы одна душа, увидевшая в тебе вампира, – доволен теперь?» – мысленно поддел себя Дмитрий Олегович. «Стыдно? – Через некоторое время продолжил он. – А теперь представь, каким бы ты выглядел идиотом, если бы это произошло тогда, ещё в школе, и ты бы воспринял всё это всерьёз!»

Маша, с тревогой наблюдавшая за своим собеседником, разумеется, решила, что наговорила глупостей и этим испортила всё, поэтому затрепетала, залепетала, начала многословно извиняться, а про себя подумала, что всё же неплохо было бы запастись святой водой и при случае тайком побрызгать на своего элегантного спутника. А спутник в свою очередь решил для пользы дела добавить к уже существующему образу какой-нибудь вампирский аксессуар, но в голову приходили абсолютно несовместимые с жизнью идеи, вроде осинового кола и серебряных пуль.

Если летучки, посвящённые официальной деятельности Тринадцатой редакции, всегда проходят в одно и то же время (в 10 часов утра, в понедельник), в одном и том же месте (в «летучешной», в остальное время исполняющей роль личного кабинета Даниила Юрьевича), то насущные вопросы, касающиеся всеобщего дармового счастья, обсуждаются как бы между прочим, как бы невзначай, случайно, то в одном кабинете, то в другом, то в приёмной, а то и вовсе в коридоре – место не имеет значения, главное, не забыть выставить защиту!

На этот раз Шурик с Денисом пришли как раз вовремя для того, чтобы не пропустить одну из таких спонтанных летучек.

– А вы, кажется, подружились! – воскликнула Наташа, одобрительно глядя на Дениса и Шурика. – А то Даниил Юрьевич уже справлялся, как оно.

– Оно – отвратительно, но при этом отчего-то живописно, – признался Денис, и Шурик сразу понял, что он имеет в виду «Петушки», а Наташа ничего не поняла, поэтому решила перейти к делу: неожиданно посерьёзнела, ударила мизинцем правой руки об указательный палец левой – это означало, что она ненадолго выставляет защиту, – и коротко пересказала прибывшим, что тут без них творилось.

Иногда бывает так, что для счастья человеку не хватает самой малости: лечь да помереть. Их немного, таких людей, но они есть. Слишком слабые для того, чтобы самостоятельно свести счёты с жизнью, они ждут, когда она доконает их сама, и всячески подставляются, нарываются, но, как правило, только дразнят смерть, а по-настоящему её не привлекают. Для шемобора исполнить самое заветное (оно же – последнее) желание такого человека вдвойне приятно: тело убил и сразу же душу прибрал к рукам, ничего врагу не оставил, а вот мунгам приходится труднее – просто в силу несколько иной изначальной расстановки приоритетов. Конечно, в каждой команде есть профессиональные убийцы, вроде сестёр Гусевых, но почему-то считается, что исполнять последнее желание (предварительно заверенное в десятке бюрократических мунговских инстанций, неоднократно изученное и перепроверенное тамошними крючкотворами) должны другие сотрудники. Каким-то образом якобы им это полезно. Знать бы только – каким, хотя начальству, конечно, виднее.

Два месяца назад Лёва, во время очередного безумного рейда по кабакам, наткнулся на Виктора Васильевича. На вид это был сморщенный, неопрятный старичок – когда привычное жжение в мочке левого уха подсказало Лёве, что где-то рядом бродит носитель желания, он и не сразу понял, кто его сегодняшняя цель. На самом деле Виктору Васильевичу было слегка за сорок, и ещё год назад это был вполне чистый, цветущий мужчина, хотя и слегка забитый, как маленькая нервная собачонка, вечно поджимающая хвост в ожидании пинка. Мать, превратившая его в этакую ручную левретку, впрочем, считала, что сделала для Витеньки всё, что могла, – и он был с ней полностью согласен. После её смерти его блеклая, но по-своему уютная и прежде беззаботная жизнь превратилась в ад. Это затравленное существо, с которым Лёва раздавил «по маленькой», могло говорить только о маме и о том, как рано или поздно они воссоединятся и им снова будет хорошо. Даже неунывающего и в целом равнодушного к бедам и горестям посторонних людей Виталика передёрнуло, когда он выслушивал эту историю, расшифровывая информацию с контакта, принесённого Лёвой.

Ещё в прошлую пятницу от верховного начальства пришло долгожданное предсказание судьбы для Виктора Васильевича: уснёт в ванне и захлебнётся. Как ни рвались в бой Галина с Мариной, уверяя, что они это дело так обставят – никто не подкопается, но шеф был неумолим: «Вот когда надо будет с настоящим противником бороться – тогда вам и карты в руки. И деньги. И два ствола в придачу. Недолго нашему сектору без личного шемобора куковать, скоро прилетит какой-нибудь гастарбайтер на голубом вертолёте, вот ему вы кино и покажете. А с этим пусть молодёжь разбирается». Среди «молодёжи» все были необстрелянные, неопытные, так что в итоге – по каким-то своим соображениям – шеф передал задание Лёве. «Ты так

часто орёшь, что всех бы убил, дай тебе только волю, ну так попробуй, каково это – убивать. Волю я тебе даю», – вместо напутствия сказал он.

– Всё, Лёва его утешил, – вздохнула Наташа, не называя по имени жертву, как будто из суеверия. – Хотел напиться тут же – ну представляете, человека пришлось убить, я бы, наверное, тоже, выпила... Что-нибудь крепкое... А он не успел заказ сделать, как почувствовал носителя. Так и не выпил, зато контакт ему присобачил, а это, Лёва говорит, был совершенно особый носитель, изворотливый и догадливый. Но Лёва ведь – профессионал!

Наташа тоже мечтает поскорее стать настоящей Разведчицей, но пока что ей не хватает главного: ощущения. Того самого, которое у Лёвы выражается в весьма неприятном покалывании в области мочки левого уха.

– Изворотливый и догадливый носитель – это же в два раза интереснее, чем неизворотливый и недогадливый, – осторожно сказал Шурик. – Виталик уже расшифровал данные?

– Они с Лёвой и Цианидом как раз у него в кабинете засели, не знаю ещё, – ответила Наташа и старательно стукнула указательным пальцем левой руки по указательному же пальцу правой: мол, всё, защиту снимаю, не болтайте тут лишнего!

– Ну что, Денис, пойдём знакомиться с нашими, – дёрнул практиканта за рукав неугомонный Шурик. – Сейчас я тебе покажу! Всех покажу!

Денис не совсем понял, о чём говорят его будущие коллеги: информация, искаженная защитой, воспринимается посторонними людьми наиболее привычным способом, поэтому «расшифровывающий данные Виталик» превратился в переводчика, бьющегося над сложным текстом.

Сказать, что сам Виталик неприятно его поразил, будет скорее преуменьшением, чем преувеличением. Нестриженный парень, в съехавших на кончик носа очках, которые он то и дело пытался вернуть на место, встряхивая головой, как морской котик, отбивающий брошенный ему дрессировщиком мяч, сидел на столе, подвернув под себя ноги, размахивал длинными руками и жонглировал – бумагами, только что извлечёнными из принтера, бутербродом с маслом и сыром, от которого он периодически откусывал, и диском с какой-то игрушкой, которую он пытался рекламировать собеседникам в паузах между разговором о делах и пожиранием бутерброда. Взъерошенный Лёва, в расстёгнутой на груди рубашке, курил сигарету за сигаретой, пепел стряхивал в пустую пивную бутылку, туда же запихивал окурки. Он был зол, трезв и вслух желал, чтобы этот новый «носитель» тоже оказался смертником – тогда бы Лёва его задушил собственными руками, и без всяких терзаний, и без ухищрений, каковыми сопровождалась инсценировка гибели бедного Виктора Васильевича.

Дальнюю стенку подпирал Цианид, как всегда сосредоточенный, аккуратный и прилизанный, – вот кого бы придушить в первую очередь.

Денису он, кстати, тоже не понравился: «Высочка, определённо. Костюм носит как униформу, без благородной небрежности». Но додумать Денису не дали – потому что Виталик его заметил и, моментально спрыгнув со стола, кинулся благословлять:

– В этот торжественный момент, когда рабочий день у всех нормальных людей уже вроде как на исходе, а у нас – в самом разгаре, позволь нам принять тебя в ряды сотрудников Тринадцатой редакции.

– Я, вероятно, должен в ответ произнести что-то не менее искромётное? – поинтересовался у Шурика Денис.

– Уже произнёс, – вяло кивнул Виталик, тут же потерял к новенькому всякий интерес и повернулся к нему спиной.

– Ты мне лучше скажи, чего этот сволочный носитель хочет? – видимо, в который уже раз спросил у него Лёва.

– Блин, ты спишь там, да? Тогда иди домой и спи! – бросил через плечо Виталик, усаживаясь за компьютер – на этот раз по-человечески, воспользовавшись стулом. – Когда это можно было с контакта считать, а? Что ты меня мучаешь?

– Да я так, – вздохнул Лёва. – Остро хочется шею кому-нибудь намылить. Ну, или кого-нибудь помучить.

– Если и мылить здесь кому-нибудь шею – так это тебе, – напомнил о своём существовании Цианид. – Ты из Интернета музыку качаешь гигабайтами, я, пожалуй, тебя в конце месяца всё же оштрафую, надоело уже.

– Ой, подумаешь, а сам-то по порносайтам...

– На рабочем месте – никаких посторонних занятий, отвлекающих от дела! – подозрительно эмоционально мотнул головой Константин Петрович.

– Точно, на рабочем месте неудобно – зайдут, помешают, – поддержал его Виталик. – О, прикиньте, ребята, а этот носитель правда ничего себе. Как минимум двух шемоборов с хвоста стряхнул.

– А это что, тоже учитывается? – удивился Шурик. – Надо же! Я и не знал!

– Да я тут написал один скрипт, – неопределённо повертел пальцами Виталик, – просто ради любопытства. Предыдущие два захода были точно не мунговские – значит, от шемоборов. Или от антиподов. Нормальная такая история, да?

– Ты бы лучше не отвлекался на ерунду и самостоятельность не разводил, – встрял противный Цианид. – От двоих обычному человеку не уйти. От одного – может быть, если новичок попадётся. Но тогда почему Лёве так просто удалось ему контакт подкинуть?

– Не так уж и просто! – вскинулся Лёва. – Тебя там не было, ты не видел!

Денис, на которого перестали обращать внимание, как только речь зашла о носителе, подошел к столу Виталика и без особого интереса стал рассматривать диски на стойке: компьютерные игры, которые остались тут с тех пор, как хозяин кабинета всерьёз ими увлекался. «Неплохое начало. Четыре взрослых мужика спорят о какой-то игрушке! Кажется, Даниил Юрьевич говорил, что это – самые лучшие люди, каких ему только удалось отыскать в городе. Мило», – подумал он.

Воспользовавшись всеобщей суетой, Денис максимально расслабил плечи, прикрыл глаза – это помогало сосредоточиться – и попытался мысленно подкопаться к каждому из коллег. К сожалению, подобно большинству людей, они ни о чём не думали.

Денис неторопливо открыл глаза. В комнате почему-то стало тихо, Лёва курил, Виталик щёлкал клавишами, Шурик молча стоял рядом с ним и задумчиво доедал бутерброд с сыром, а Константин Петрович, отлепившийся наконец от стены, крайне невежливо буравил новенького взглядом. Да так, что у того волосы на руках дыбом встали.

«Никакого воспитания», – встряхнулся Денис, но тут «выскачка-в-костюме» вышел за рамки приличия настолько, что можно было уже ставить на нём крест окончательно.

– Шурик, ты где это взял? – отчётливо и зло спросил Константин Петрович, указывая пальцем на Дениса. – Ты кого сюда притащил?

– Это же мой практикант, которого шеф собеседовал, а ты на него ещё бумаги оформлял!

– А шеф его видел?

– Ну что же он – с закрытыми глазами...

– Сегодня видел?

– Не знаю... Нет... Мы как пришли – сразу сюда.

– Он только что пытался взломать мою защиту!

– Не будет с моей стороны излишней нескромностью уточнить, о ком вы сейчас столь эмоционально беседуете? – холодно поинтересовался Денис.

– Не будет. К шефу. Немедленно. Он объяснит, – перебил его Цианид.

«Отлично, ребята, пойдёте в кабинет вашего шефа. И если он не объяснит мне, что всё это значит, то придётся признать, что, кроме него и Шурика, здесь нет вменяемых людей, а значит, мне придётся скоростно удалиться!» – подумал Денис. «Назло маме отморожу уши», как отзываются о подобных угрозах сёстры Гусевы.

Если бы Константин Петрович услышал этот внутренний монолог, он бы совсем рассвирепел: коммерческий директор считал себя вторым по вменяемости человеком после Даниила Юрьевича, а уж Шурик... увы, он, по его представлению, был где-то среди замыкающих и то и дело менялся местами с Виталиком.

Константин Петрович появился в Тринадцатой редакции, когда на счету у команды уже было необходимое количество исполненных желаний. Необходимое для того, чтобы было что вспомнить, о чём переглянуться многозначительно, над чем посмеяться. Сформировался уже первый пласт личного фольклора, без которого не удержится ни одна команда мунгов. Будь в ней хоть самые лучшие специалисты своего дела – если они живут и работают вразнобой, то им лучше поскорее разбежаться, потому что рано или поздно всё развалится. Когда Цианид (тогда ещё не носивший это роскошное прозвище) был официально зачислен в штат (всех прочих сотрудников до этого тоже «официально зачисляли в штат», но он единственный решил обратиться на это общее внимание), Даниилу Юрьевичу как раз удалось убедить московское руководство в том, что особнячок Тринадцатой редакции нуждается в некотором переоборудовании, поэтому сотрудникам пришлось временно потесниться. Константину Петровичу выпала высокая честь делить кабинет с Виталиком и Шуриком, что он и делал, тихо сходя с ума от такого соседства. Представляете, каково было ответственному, пунктуальному коммерческому директору (на тот момент – ведущему экономисту на испытательном сроке, но всё же) находиться в одном помещении с двумя такими деструктивными элементами? Никакая защита от них не спасала; впрочем, Цианид ещё толком не умел пользоваться своими способностями: весь день он старательно входил в курс дела, а вечером пытался брать у коллег уроки мунговской премудрости. Самым перспективным учителем был признан Виталик – но его заслуги в этом не было. Всё дело в том, что защита, азам которой он пообещал обучить новенького, была призванием Константина Петровича. Он как будто бы примерял костюм, не только точно сшитый по его мерке, но ещё и идеально подходящего ему стиля и покрою.

До появления в команде этого ответственного и собранного сотрудника держать защиту доверяли Виталику – в надежде, что постоянная практика как-то его образумит. Ничего подобного конечно же не случилось – удивительно, как с таким «защитником», привыкшим размениваться на несколько дел сразу, команда не была разоблачена каким-нибудь проворным шемобором. Константин Петрович, напротив, как-то очень естественно мог отвлечься от всего лишнего и на данный момент несущественного и не просто устанавливал защиту, но и сливался с ней, становясь её частью. Он, конечно, не выпадал при этом из реальности и продолжал вести себя вполне обычно, только, может быть, чуть-чуть запаздывал, когда к нему обращались с вопросом, буквально на пару мгновений, но это только прибавляло ему солидности.

Однажды Цианид до того умаялся с цифрами (можете представить, какую авгиеву бухгалтерию ему пришлось разгрести!), что попросил Виталика перенести урок на следующий день, потому что ученик не способен сегодня должным образом воспринимать мудрые наставления своего учителя, и всё в таком же духе.

– Иди, ученик, отдыхай, – важно кивнул «учитель», – а мудрый я пока что тут посижу.

– Ага, и несовершенно я тоже посижу, я сегодня, кажется, на пару часов опоздал, – присоединился к нему Шурик.

– На два часа и сорок восемь минут! – машинально поправил его Константин Петрович перед тем, как закрыть за собой дверь в кабинет. Дело было летом, и он решил немного посидеть в соседнем дворе, на удобной скамейке рядом с неизвестно как укоренившимся здесь

раскидистым клёном. Залюбовался деревом, чирикающими в его кроне птичками, высоким ясным небом, белоснежными облаками, мечтательно закрыл глаза, привалился спиной к стволу дерева и задремал. Нет, определённо, нельзя так много работать!

Что в этот момент делали Шурик с Виталиком, в деталях восстановить не удалось, оба запомнили разное, но факт остаётся фактом: Виталик, который сразу после увлечения скапанком и как раз перед тем, как увлечься игрой «Герои Меча и Магии», сразу после которой он перепрофилировался в футбольные болельщики, успел ненадолго заинтересоваться препаратами, изменяющими состояние сознания, и даже легкомысленно держал у себя в рабочем столе некоторые из них. После ухода зануды-экономиста Виталик зевнул, потянулся, развалился на стуле, наугад вытянул из ящика «кое-что занятное» и предложил Шурику это самое «занятное» употребить по назначению.

– В принципе, мне это не нужно, я посмотрел, как оно действует, и теперь сам себя программирую подобным образом, если охота отдохнуть, – с интонациями человека, утомлённого всеми возможными пороками, произнёс Виталик. – Но вот тебя чётко вштырит, я гарантирую.

Вштырило и того, и другого – можете поверить. Но особенно сильно вштырило отдохнувшего и посвежевшего Константина Петровича, из бледно-зелёного вновь ставшего просто бледным.

– Я всё-таки решил не пропускать сегодняшний урок, – покаянно сообщил он. – Эй, что вы на меня так смотрите? Подозреваю, что вы ни минуты не работали после того, как я ушел!

И тут Шурик высказался.

– Ты... ты... – шевелил он губами, не в силах выдавить из себя ни звука. Вообще-то он хотел сказать что-то вроде «Ты чего вернулся, лучше отдохни, ты же так утомился, не хочешь ли чаю или, может быть, кофе?», ну или как-нибудь ещё особо светски поддержать беседу, чтобы новенький не пронюхал, в чём дело, а то сразу же побежит строчить докладную прямо в Небесную канцелярию, с него станется. Наконец, голосовые связки перестали капризничать, Шурик обворожительно улыбнулся и сказал: «Цианид!»

Получилось более чем светски. Константин Петрович сразу всё понял, спихнул со своего рабочего стола Виталика, очень уютно там устроившегося среди подготовленных для уничтожения бумаг. Виталик миролюбиво потянулся, а затем улёгся на полу, под батареей, потому что хорошему человеку везде хорошо, а будущий коммерческий директор тем временем и в самом деле настроил донос – ничуть не стесняясь присутствия тех, на кого он доносил, и не подозревая о последствиях.

В следующий понедельник, на летучке, шеф позволил себе потратить на этот донос несколько минут – для разрядки, понятное дело, ну и в воспитательных целях тоже. Он поведал собравшимся, что новый сотрудник – Рублёв Константин Петрович – существо до такой степени трепетное и ранимое, что очень обижается, если его неожиданно называют какими-нибудь непонятными, пусть даже и не ругательными, словами.

– Поскольку и трепетность, и ранимость – Виталик, постой на стрёме, да, спасибо, и не отвлекайся, пока я не попрошу снять защиту, – так вот, поскольку трепетность и нежность сотрудникам нашей организации по трудовой инструкции не положена, то отныне прошу вас время от времени называть Константина Петровича разными милыми прозвищами. Пока он не перестанет обижаться. Прозвище Цианид вполне подходит. Кстати, обидки отбирают в два раза больше энергии, чем установка защитного поля, ну это так, для общей информации. А теперь перейдём к нашим денежным махинациям. Кстати, Цианид отлично справляется со своей основной работой, всем нам стоит у него поучиться усидчивости. Что, снова обиделся? Ну, ты даёшь. Всё, Виталик, можешь снимать поле. Ещё раз притащишь сюда свою химию – в жабу превращу!

С тех пор синтетические вещества в питерском филиале издательства «Мегабук» больше не появлялись, а Константина Петровича для удобства стали звать просто Цианидом. Вскоре

он перестал обижаться на это прозвище, потом – охотно начал на него откликаться, так что, даже когда история эта забылась, он так и остался Цианидом.

Когда ремонт во всём здании наконец-то закончился, Константин Петрович живо собрал вещички и сухо пожелал своим бывшим соседям счастливо оставаться.

– Зря ты с таким настроением уходишь, всё равно нас тут мало, будем постоянно сталкиваться, – пожал плечами Шурик.

– А если мы тебя так раздражаем, – важно поднял палец вверх Виталик, – то следует нарочно остаться с нами в одном кабинете!

– Чтобы что? – поправил очки Цианид.

– Чтобы научиться не раздражаться из-за всякой ерунды!

– Разве мы с тобой похожи на «всякую ерунду»? – возмутился Шурик.

– Тебе, мой друг, тоже следует поменьше обращать внимание на ерунду! Это же просто слова, ничего больше, – заявил Виталик и на всякий случай выпорхнул из комнаты. Пошел учить жизни кого-то ещё.

– Странные вы оба, – чуть-чуть помедлил на пороге Константин Петрович. – С такими талантами давно бы уже сделали карьеру, вместо того чтобы буксовать на одном месте.

– Чтобы что? – передразнил его Шурик.

– Чтобы зарабатывать больше денег, конечно же!

– Если бы я хотел зарабатывать больше денег, – серьёзно сказал Шурик, – ну, мало ли, вдруг? То я бы пошел работать в банк. А ты, наверное, тоже шел в банк, но дверью ошибся, так ведь?

Цианид вылетел из комнаты, даже вещи не собрав, и несколько дней после этого вообще не разговаривал с Шуриком. Но потом всё же снизошел до него – неудобно, в самом деле, народу в Тринадцатой редакции мало, если кто-то на кого-то постоянно дуется, то все это чувствуют и начинают нервничать, по сторонам недоверчиво поглядывать, а кому это нужно?

В очередной раз, гордо шествуя мимо Шурика, прохлаждающегося в приёмной за чашечкой кофе, Константин Петрович решительно остановился и буквально заставил себя помахать перед носом у коллеги белым флагом.

– Знаешь, хорошо, что я шел в банк, но ошибся дверью, – тихо, чтобы никто больше не слышал (шемоборские шпионы – не в счёт, главное – от коллег этот разговор скрыть) сказал он. – Там же, наверное, все такие, как я. А мне нравится быть самым лучшим, а на вашем фоне это довольно легко удаётся... Так, я опять что-то не то сказал?

– Да всё нормально, – так же шепотом ответил Шурик. – Всё нормально, правда, не парься. Ты в самом деле у нас самый старательный, а мы – разгильдяи. Как нас без тебя московское начальство не разогнало за бесхозяйственность – до сих пор не понимаю.

И никакой иронии в этой фразе замечено не было – даже внимательным шемоборским шпионом, именно в этот момент сканировавшим здание и отметившим в своём докладе, что тут-то точно – что написано на вывеске, то и есть. Чистая лавочка. Свободная касса.

Это всё потому, что Шурик – самый искренний человек из всех ныне живущих.

Даниил Юрьевич всегда знает, как именно тот или иной сотрудник должен войти в коллектив. Кому-то он сразу обо всём рассказывает, кому-то намекает, а Денису решил совсем ничего не сообщать. И остальных о его умении не стал информировать – до поры до времени. «Подходящий парень, талантливый, при правильном подходе из него выйдет толк», – кратко пояснил он. С такой же точно рекомендацией (только вместо слова «парень» там фигурировало слово «девочка») в команду вошла и Наташа – старательная и исполнительная во всём, что касалось работы секретаря, но так и не сумевшая пока найти ключ к своему таланту.

– Костя, на какой минуте ты почувствовал, что защиту ломают? – вместо приветствия спросил шеф, когда вся компания ввалилась к нему в кабинет. Но перед этим он всё же

небрежно стукнул мизинцем правой руки об указательный палец левой, чтобы все были спокойны: защита установлена, можно говорить.

– Простите, на какой минуте – чего? – поправил очки Цианид. Если шеф называет его Костей, значит, жди подвоха.

– Так вы знали, что он... – начал было Шурик.

– погоди, – остановил его шеф. – Ну, так что. Сколько прошло времени с того момента, как мальчик вошел в комнату, до того, как ты почувствовал его присутствие?

«Видимо, господин Выскочка-в-костюме считает себя слишком важной персоной для того, чтобы обращать своё царственное внимание на скромных практикантов вроде меня, – подумал Денис. – Надеюсь, Даниил Юрьевич сурово отчитает его!»

– Яне засекал время. Это серьёзный просчет, я знаю, – прикусил губы господин Выскочка-в-костюме. Он только что публично признался, как ему показалось, чуть ли не в служебном преступлении. Такой позор смывается только увольнением!

– Очень серьёзный, просто ужасный, – издевательски кивнул Даниил Юрьевич. – Я сам только через полчаса понял, что с ним не так, а Галина с Мариной его и вовсе за шемобора приняли. Да не смотрите вы на него с ужасом! Мальчик – Читатель, все помнят, что это значит?

– Это которые слышат желания? – уточнил Лёва.

– Которые слышат, точно, – весело покивал шеф, – или читают. В зависимости от того, как на это посмотреть.

– Посмотрим на это с оптимизмом! – воскликнул Виталик, яростно пожимая руку Константину Петровичу. – Он пытался подкопаться под твою защиту, но ты не поддался! Цианид – чемпион!

– Подхалим! – не поддался на лесть тот. – Всё равно с тебя отчёт за неделю.

– Ага, – вредным голосом сказал Лёва. – До этого считалось, что Читателю любая защита – до фонаря.

– Ну, Денис ещё неопытный Читатель, – заступился за своего практиканта Шурик, – а вот когда я научу его всему, что умею и знаю сам, он от хвалёной цианид-довой защиты камня на камне не оставит!

«Интересно, из чего он сделал вывод, что я – неопытный читатель?» – удивился Денис. Он был даже слегка уязвлён этой фразой, но потом решил, что читать книги и читать рукописи – это два совершенно разных дела и Александр Андреевич, вероятнее всего, знает, о чём говорит.

– Слушай, я не понял, ты против своих, что ли? – рыкнул на Шурика Лёва.

– Да я понарошку же! – обиженно засопел тот.

– Не забывайте только, что мы тут все – свои, – пресёк насилие шеф. – И успокойтесь, пожалуйста, пора парня в курс дела вводить, а то он уже решил, что я – такой же псих ненормальный, как и вы четверо. Кстати, господа психи, вам не мешало бы разойтись по палатам и вернуться к работе. Костя, от нас по-прежнему ждут отчёт по продажам. Поторопи Галину и Марину, как ты это умеешь. Виталик, причешись как-нибудь на днях. Это довольно занятно, уверяю тебя. И потрясающе эффективно, в плане изменения имиджа. Лёва. Молодец, что не сорвался.

– Да я почти сорвался, – опустил голову тот. – Так стало противно – и на себя, и на него разозлился, на себя даже сильнее, пошел в бар – а тут носитель, так что я просто не успел как следует напиться и всё сокрушить.

– Похвальная самокритика, – перебил его шеф, – но излишняя. Дело доведено до конца и скоро будет забыто, ты в норме, настолько, насколько можно быть в норме после такого. Иди, последи, чтобы Виталий не вздумал причёсываться прямо сейчас, а для начала разобрался с твоей новой находкой.

– Слушаюсь! Уж я за ним прослежу! – повеселел Лёва и подтолкнул Виталика к выходу. – Пошевеливайся, очкарик, сейчас нам откроется страшная тайна!

– Сейчас нам откроется страшная дверь, – возразил Виталик, храбро берясь за ручку.

Даниил Юрьевич всегда чувствует, когда лучше отправить сотрудника домой после успешно (или неуспешно) выполненного задания, а когда – дать ему какое-нибудь пустяковое поручение, чтобы он не ушел в себя, не замкнулся, не заперся в четырёх стенах. Когда Лёва с Виталиком, а следом за ними и Константин Петрович, сообразивший, что с его способностями ничего не случилось, просто практикант попался с сюрпризом, отправились по своим делам, шеф наконец сжалился над Денисом и ввёл его в курс дела. Очень поверхностно и отстранённо. Остальное тот должен был понять и выучить сам – так уж у мунгов заведено. Если хочешь что-то узнать – найди того, кто это уже знает, и задай ему правильный вопрос. Если хочешь чему-то научиться – найди себе учителя и учись сколько влезет.

– Ну вот, кажется, в общих чертах я познакомил тебя с нашим сумасшедшим домиком, – подвёл итог Даниил Юрьевич. – Вопросы, предложения, заявления об уходе – будут?

– Один вопрос, – Денис внимательно посмотрел на Шурика, просветлённо пялящегося в потолок. – Необходимо ли мне взаимодействовать с остальными членами команды или можно будет ограничиться вами и Александром Андреевичем?

– Это следует воспринимать как заявление об уходе? – поднял бровь Даниил Юрьевич.

– Нет, я просто интересуюсь.

– Тогда – необходимо.

– А Александр Андреевич – это у нас кто? – очухался Шурик.

– Вообще-то это у нас ты, – скорбно произнёс Даниил Юрьевич.

День второй

Было осеннее дождливое питерское утро, одно из тех, что позволяют жителям города узнать себя чуточку лучше. Если питерец выглядывает в окно, обнаруживает за ним эту серую, неприветливую хмарь, задёргивает шторы и укладывается обратно в постель, притворяясь неизлечимо больным, диагноз ясен: ему срочно надо искать такое занятие, ради которого он, несмотря ни на что, выскочит на улицу и побежит к своей цели, не замечая лужи, чужие автомобили, красные сигналы светофоров и другие мелкие препятствия. Ну, а если у него есть возможность провести этот – не слишком, будем говорить честно, погожий – день дома, нежась в кровати и попивая горячий чай, а он придумывает себе срочное дело и выскакивает на улицу, лишь бы только поменьше общаться со своими домашними, то и тут всё понятно: с отношениями в семье надо что-то делать.

А бывает и так, что человек охотно провёл бы этот день дома, на Канарских островах, в заброшенной психиатрической лечебнице, в жерле вулкана, да даже пусть на улице, на продуваемом всеми ветрами перекрёстке, – лишь бы не там, где его ждут. Но он всё равно туда идёт. Не потому, что герой. А потому что ему надо быть там – и точка.

На улице Большой Монетной, во дворе одного из домов, шел неприятный разговор о больших деньгах. Некий студент, мечтающий открыть собственное дело, занял у серьёзных людей крупную сумму. Дело он так и не открыл – побоялся, а деньги постепенно потратил. Даже непонятно, на что. Только были – и нет их. А серьёзные люди позвонили и сказали: «Ну, и как мы собираемся расплачиваться?» Студенту было нечего на это ответить. Тогда через неделю ему позвонили менее серьёзные люди и сказали, что надо встретиться и поговорить, потому что теперь он – их должник.

Буквально за день до этой встречи, не предвещавшей ничего хорошего, перед должником забрезжила надежда. Впрочем, сейчас с каждой минутой она гасла на холодном осеннем ветру.

– Пожалуйста, пожалуйста, подождём ещё пять минут. Вдруг пробки? Обидно будет, если он приедет, а вы уже меня убиваете! – бормотал студент, отступая к глухой стене дома. Группа бородатых громил надвигалась неумолимо, как цунами. Он видел такое в кино и знал, что в последний момент помощь обязательно подоспеет.

– Слышь, Костыль, может, за гаражи зайдём, а то вон окно какое-то на пятом этаже, – поигрывая кастетом, сказал один из громил.

– Да спокуха, там бабка глухослепая живёт. Никаких свидетелей не будет, – беспечно откликнулся тот, кого называли Костылём – видимо, главарь. – Ну чё, парни, поразомнёмся? А то стоим колодами, мёрзнем только зазря.

– Извините, что мешаю вам, господа, – послышался чуть поодаль уверенный, с ленцой, голос, – но мне кажется, что мы сможем решить это дело безболезненно.

– Чё сказал, сам понял? Что это за баклан? Навалить ему первому! – загалдели громилы, обращившись на этот голос.

Перед ними стоял Дмитрий Олегович Маркин – и убегать не собирался.

– Вот, вот он всё объяснит! – закричал студент. – Мы его и ждали!

– А не надо нам ничего объяснять. Мы сами с понятием. Деньги надо возвращать. Очень плохо, если берёшь чужие деньги и не возвращаешь, – сказал Костыль.

– Сумма со вчерашнего дня не изменилась? – выдержав паузу, спросил шемобор.

В глазах студента, уже распрощавшегося с жизнью, мелькнула надежда на спасение. Дмитрий Олегович изобразил на лице глубокую задумчивость и поднял глаза к небу, как бы испрашивая совета у него. Несчастный должник затрепетал. Громилы сделали шаг вперёд и начали неторопливо засучивать рукава.

– Ладно, парень, – махнул рукой Дмитрий Олегович, словно бы решившись на что-то важное, – я тебя очень хорошо понимаю. Сам бывал в такой ситуации. Считай, что я выписываю тебе очень долгосрочный кредит. Когда-нибудь расплатишься. Ознакомься вот с договором и подпиши все три экземпляра.

Договор был извлечен из дипломата с кодовым замком. Оттуда же возникла увесистая пачка иностранных купюр, которых наверняка хватало на покрытие долга.

Как загипнотизированный, студент дрожащими руками принял у своего спасителя документы и, шевеля губами, принялся их изучать.

– Подписывай, дятел! Дяденька два раза предлагать не будет! – прикрикнул на него Костыль.

– Пускай, пускай читает, – милостиво разрешил шемобор.

Костыль пожал плечами и послушно отступил в сторону.

Студент помотал головой, ещё раз перечитал документ. Договор ничем особенным не грозил, только информировал, что желание носителя, далее именуемого «Носитель», будет исполнено в соответствии с договорённостью не позднее чем через две недели после подписания данного документа. В обмен носитель обязуется беспрепятственно предоставить свою душу в вечное пользование организации (далее именуемой «Организация»). Похоже на розыгрыш. Ну, лишь бы деньги были настоящие. А даже если это хорошая подделка – плевать. У Костыля и его банды вряд ли есть при себе детектор валют.

– Ознакомился? Подписал? – ободряюще улыбнулся Дмитрий Олегович. – Ну, каково твоё желание?

– А что, надо сказать? – удивился должник.

– Конечно. Иначе оно не исполнится. «Больной псих», – подумал студент и нарочито детским голосом произнёс:

– Хочу, чтобы кто-нибудь заплатил за меня деньги этим людям и чтоб они меня не били.

– Ребята, пересчитайте, – не поворачиваясь к Костылю, господин Маркин протянул ему пачку купюр.

– Да мы вам верим! – расплылся в улыбке тот и попытался было запихать деньги во внутренний карман куртки.

– И очень напрасно! – окатил его презрением шемобор. – Пересчитайте, а то потом ещё припрёте к стенке меня, как вот этого. Мне такого счастья не надо. Иди, иди, мальчик, ты свободен. И больше не греши – потому что незачем.

– Вот психи, – протянул студент и восхищённо покачал головой. С его плеч упала такая гора, что камень, повисший на шее, он пока что не замечал – а зря.

В одном из дворов по улице Мира наёмники, изображавшие кредиторов, и господин Маркин, изображавший ангела-избавителя, встретились снова, для того чтобы обсудить детали.

– Ну, мы нормально отработали? – хмуро спросил Костыль.

– Да, вполне, – рассеянно кивнул Дмитрий Олегович. – В следующий раз можете даже слегка стукнуть клиента – без травматизма, разумеется. И умоляю вас, не надо этого подобию. Я кто? Я лох. Фраер. А вы со мной как с паханом раскланиваетесь. Побольше наглой самоуверенности. Я не барышня, не обижусь. И ещё момент: даже если вы не умеете считать – хотя бы делайте вид, что пересчитываете полученные от меня деньги, иначе это выглядит очень подозрительно. Надо объяснять почему?

– Не надо. Был неправ, – кивнул Костыль. – Ну чё, когда ещё такой дятел подвернётся, я позвоню, лады?

– А что, часто бывает так, что клиенты не платят, надеясь на чудо?

– Бывает, – развёл руками Костыль – мол, мы бы и рады, чтобы это происходило как можно реже, но, увы, от нас это не зависит.

Дмитрий Олегович распрощался со своими бородатыми сообщниками, вышел на Каменноостровский и зашагал в сторону метро «Петроградская». Не самая удачная сделка, но за подписанный договор шемобору платят вдвое больше, чем он отдал Костылю и его ребятам. Теперь осталось только найти телефон-автомат и связаться с куратором, чтобы доложить об успешно проведенном деле и сдать договор, не только подписанный, но и исполненный тут же, на месте. Кажется, за это полагается дополнительная премия. Ну, это потом, а сначала – звонок. Потому что за каждые полчаса промедления, увы, полагается штраф.

В последние несколько лет в больших городах становится всё меньше и меньше телефонов-автоматов, по которым, следуя технике безопасности, шемоборам надлежит связываться с начальством, дабы доложить о выполненном деле. Кто-то полагает, что всему виной всеобщая доступность мобильной связи, но Дмитрий Олегович убежден: под автоматы копает не кто-нибудь, а мунги.

Бесчестный трюк с применением банды громил, собирающихся разделить под орех какого-нибудь несчастного, задолжавшего им некоторую сумму денег – не слишком маленькую, но и не превышающую шемоборский гонорар за одно успешно проведенное дело, – придумал и время от времени использовал Ингвар Эрикссон, обучивший Дмитрия Олеговича его нынешнему ремеслу. В самом деле – когда земля горит под ногами, человек ничего другого так отчаянно не желает, как поскорее расплатиться с долгом, а ближе к часу «Икс» это желание принимает форму заветного – и в самом деле становится им на один краткий миг, – тут-то не зевай, выходи на сцену и подписывай договор. Дмитрий Олегович не особенно любит этот приём, но уж слишком вовремя встретился ему Костыль со своим непутёвым должником.

Фокус с громилами Ингвар Эрикссон использовал в тех случаях, когда ему надо было на пару недель сбежать из города на самый север страны, половить рыбку (летом) или просто побродить по заснеженному лесу (зимой), отдохнуть от всех этих мелочных, скучных, жадных и трусливых людей. Шемоборам вообще-то отпуск не положен: считается, что они и так получают удовольствие от своей работы, куда им ещё и отдыхать? Надобно вкалывать на износ, чтобы поскорее состариться или пасть в неравной схватке с мунгами и немедленно получить посмертное повышение по службе. Впрочем, к тем, кто пал в неравной схватке, карьерная лестница менее благосклонна: ученика не воспитал, дела не довёл до конца – разгильдяй! А ну – шагом марш разбирать архивы! И так – первые лет сто, пока не осознаешь. Поэтому, кстати, некоторые шемоборы и подстраховываются, начинают набирать учеников заранее. Некоторым талантливым педагогам удаётся воспитать немало молодых львов, прежде чем их настигает повышение.

Лет пять назад Дмитрия Олеговича, в числе нескольких других подающих надежды аспирантов, отправили в Стокгольм на международный конгресс молодых психотерапевтов. После очередной порции выступлений и семинаров он вырвался на свободу и отправился бродить по городу. «Главное – пройдишь по улице Королевы, это самая важная улица в городе», – напутствовала его ещё в Москве любимая научная руководительница. Из симпатии и уважения к ней Дмитрий все свои прогулки начинал именно с этой улицы, тем более что до неё было рукой подать от того здания, в котором проходил конгресс.

Но на этот раз он решил просто посидеть на набережной. Октябрь выдался тёплым, это избавляло от необходимости кутаться в предусмотрительно прихваченный с собою толстый шерстяной шарф.

По воде носились катера, проплывали яхты, где-то вдали причаливал к берегу паром, похожий на плавающий многоэтажный дом. В небе голосили разнокалиберные чайки. Зато людей вокруг практически не было видно, если, конечно, не считать вон того странного дядю. «Странный дядя» стоял на набережной и, отрешившись от всего, наблюдал за поплавком. В руках у него была удочка, у ног стояла консервная банка, полная отборных дождевых червей, и прозрачный пакет, в котором трепыхались какие-то несчастные рыбёшки. Дмитрий сначала было

решил, что это – галлюцинация, видение, воспоминание из детства или последствие трёх дней интенсивной умственной работы, и подошел поближе, чтобы увидеть, как призрак растает в чистом воздухе. Но призрак и не думал таять, и вообще это был не призрак, а вполне живой человек – некрупный, светловолосый, очень просто одетый. Такой типичный шведский провинциал, только уж слишком миниатюрный.

– Любишь рыбачить? – по-английски спросил тот.

– Нет, – коротко ответил Дмитрий. По его скромным наблюдениям, подкреплённым опытом других участников конгресса, шведы никогда не начинали разговор первыми. Особенно если была возможность его избежать.

– Любишь, любишь, – насмешливо ответил рыболов, – только места ещё не знаешь. Меня Ингвар зовут. Но ты зови меня, пожалуйста, по фамилии – Эрикссон.

– Дмитрий... Маркин. Но вы зовите меня по имени – Дмитрий.

– Точно, Дмитрий. Пойдём, Дмитрий, я угощаю. Молодой человек с сомнением покачал головой – Эрикссон выглядел как самый настоящий, затрапезный рыбак, и заманчивым это приключение назвать было сложно.

– Не суди по внешнему виду, – нахмурил светлые брови швед. – Я ведь тебя не сужу, иначе бы не стал тратить время на разговоры. Ну, идём.

Потрясающая наглость незнакомца в сочетании с совершенно безобидной и даже слегка придурковатой внешностью выглядела нелепо, но забавно.

– Только угощать вы меня будете там, где я захочу, и тем, что я закажу, – заявил Дмитрий Олегович.

– Исполнять желания – моя профессия, – ухмыльнулся Эрикссон, демонстрируя оскал дипломированного курильщика.

Рыбок он выпустил обратно в воду, следом зашвырнул и червей, консервную банку засунул в карман, удочку сложил и поместил в специальный футляр и, не оглядываясь, вразвалочку пошел вперёд. Длинноногий спутник еле поспевал за ним.

Иногда за особо удачно проведённые дела помимо денежной премии шемоборам достаётся какая-нибудь сверхъестественная способность. Вот и Эрикссон тоже получил своеобразную привилегию: никогда не торопиться и при этом всех опережать. Впрочем, будущему ученику он об этом сообщать конечно же не стал – топал себе чуть впереди, чувствуя, как всё прибавляющий и прибавляющий шаг русский постепенно заглатывает наживку. Он завернул в Старый город, как бы высматривая подходящее место и отвергая одну кофейню за другой. Ненароком забрёл в тихий дворик, где туристы как раз совершали тайный обряд: складывали монеты к ногам крошечного медного мальчика, сидящего на корточках, прикладывали пальцы к его голове и загадывали желания.

Такие достопримечательности есть почти в каждом городе. Когда у шемобора или у мунга случается кризис жанра, он приходит в подобное местечко и наблюдает за людьми, загадывающими желания. Не пройдёт и нескольких дней, как он встретит там какого-нибудь подходящего носителя. Но в данный момент у Эрикссона были совсем другие цели. Подождав, пока туристы уйдут, он спокойно сгрёб все монеты и, не отделяя шведские кроны от евро и прочих, высыпал всё в карман брюк.

– Фига себе! – от неожиданности воскликнул Дмитрий Олегович. Потом перевёл своё удивление на английский: – Если у вас нет денег, то, может быть, мы не будем ничего пить?

– Спокойно, детка, – подмигнул ему Эрикссон. – Люди оставляют здесь деньги для парня, который исполняет желания. А этот парень – я. Значит, эти деньги мои, даже если желания их обладателей покажутся мне слишком мелкими и незначительными для того, чтобы их исполнять. Ну, пойдём дальше, что ли?

– У вас ещё много таких мест, где деньги лежат? – мстительно поинтересовался Дмитрий Олегович.

– Тебе и не снилось. Будешь хорошо себя вести – открою тебе самое верное из них!

Ещё немного погоняв Дмитрия Олеговича по городу, Ингвар всё же сжалился и напоил его кофе, а заодно осторожно намекнул на возможности, которыми чревата встреча с ним, таким с виду дурошлёпистым дядькой.

– Сейчас будет самый опасный момент, – сказал Эрикссон, глядя собеседнику прямо в глаза. – Я, не вдаваясь в подробности, предлагаю тебе стать моим учеником, и после этого, если ты согласишься, мы пойдём ко мне домой.

– Вот дерьмо, – хлопнул себя по лбу (не сильно, но картинно) Дмитрий Олегович. – Это ж вы меня снимаете! А раньше нельзя было сказать? Ваш выбор я одобряю, но мой ответ: нет.

– Только у парней почему-то все мысли сразу об этом, – ничуть не обидевшись, сказал Эрикссон. – Моя первая ученица Анна-Лиза, не задумываясь о том, как это может быть истолковано, поселилась в доме у незнакомого взрослого мужчины и уже имеет успешную практику. Честно, я думал, ты умнее.

– Практику? Вы сказали – практику? – сконфузился Дмитрий Олегович (а Эрикссон только этого и ждал!). – А вы меня у себя дома за ногу к батарее приковывать не будете?

– Не могу обещать. Но пока что не планирую, – сверкнул глазами шемобор.

За окном стемнело. Эрикссон решительно попросил счет и расплатился. Достал из другого кармана брюк – не того, в который не глядя ссыпал мелочь, – увесистый бумажник, до отказа набитый купюрами. Конгресс психотерапевтов постепенно терял в глазах молодого человека последние крупницы привлекательности, а немислимые возможности приветливо раскрыли ему свои объятия, подманивали, улыбались и нетерпеливо щёлкали зубами.

Дмитрий Олегович был вторым и очень способным учеником шемобора Эрикссона. Его первая ученица, Анна-Лиза Корхонен из сопредельной Финляндии, частенько приезжала в гости к своему наставнику пожаловаться на очередных уродов, мешающих ей жить красиво, богато и привольно. Вообще, это был хороший год. Или месяц? Или десяток лет?

Кстати, интересно, а как выходит из положения Анна-Лиза, когда подписывает договор с каким-нибудь финским крестьянином-бирюком, живущим в отдалении от городов с их телефонами-автоматами? Кажется, в таких случаях разрешается использовать любой анонимный аппарат вообще, но что-то сомнительно, что в глуши можно найти хотя бы его.

Дмитрий Олегович тряхнул головой, отгоняя воспоминания о своей «старшей сестрёнке», и тут же увидел на противоположной стороне улицы телефонную будку. Она стояла тут скорее как памятник былым временам, но в ней, тем не менее, обнаружился на удивление современный аппарат. Платить за звонок куратору не надо – номера, по которым звонят шемоборы, так шокируют бедный агрегат, что он безропотно соединяет абонентов, даже не заикаясь о каких-то там презренных монетах.

Начальство благосклонно приняло отчет по «делу студента», хотя прекрасно было осведомлено об уловке Эрикссона, которую изобрёл даже не он, а учитель его учителя, но закрывало глаза на эту маленькую хитрость, поскольку главное – результат, а результат определённо был налицо.

После того как дело было сделано, Дмитрий Олегович посмотрел на часы и пришел к выводу, что милая Маша вполне способна прожить без него ещё пару часов, а он за это время как раз проследит за превращением старины Джорджа обратно в нормального человека, каким тот может быть, если за ним непрерывно приглядывать.

Настроение у Константина Петровича было испорчено с самого утра: начать хотя бы с того, что он пришел на работу, когда там уже вовсю копошились целых два сотрудника – и это за полчаса до положенного времени! Впрочем, вскоре оказалось, что один из этих подпольных энтузиастов, при ближайшем рассмотрении опознанный как Лёва, просидел на рабочем месте всю ночь, потому что вчера вечером неожиданно позвонили из Москвы и потребовали органи-

зовать (в самом лучшем виде, разумеется) пресс-конференцию какого-то исключительно модного автора. Пресс-конференция состоится уже сегодня, а если Лёва до неё доживёт, то как и было заказано – в самом лучшем виде. Впрочем, у него нет выбора, так что доживёт, никуда не денется.

У второго героя труда тоже обнаружились смягчающие вину обстоятельства: это был его первый рабочий день, а в первый день и сам Цианид прискакал задолго до указанного срока – так ему хотелось поскорее приступить к делам. Впрочем, ему повезло меньше, чем Денису, которого впустил благородный рыцарь Лёва: два часа торчать под дверью, умоляя собирающийся хлынуть ливень сделать это где-нибудь в другом месте или хотя бы чуть-чуть попозже, не договориться со стихией, промокнуть и предстать в таком виде перед злоязыкими сёстрами Гусевыми – то ещё приключение.

Денис не просто пораньше пришел на работу – он уже твёрдо знал, что будет делать (вчера Шурик с лёгким сердцем свалил на практиканта целую гору рукописей), в каком порядке и с какой целью.

«Гора рукописей» только называется так – по старой привычке, ещё с тех времён, когда авторы переводили на свои произведения тонны бумаги и присылали эти самые тонны в разные издательства. Денису же предстояло разгрести редакционный почтовый ящик, специально заведённый питерским филиалом для сбора нетленок и заброшенный по причине того, что нетленки прибывали быстрее, чем Шурик успевал их не то что читать, а даже записывать в очередь на прочтение.

Оценив обстановку и убедившись в том, что никто пока что не покушается на его лавры самого ответственного сотрудника, Константин Петрович включил рабочий компьютер и снова расстроился. Одна из полезных напоминалок сообщила ему, что он сегодня дежурный.

Дежурства были введены после того, как Цианид сходил на очередной тренинг, из которого вынес следующее: когда сотрудники, в дополнение к прочим своим обязанностям, следят за порядком в офисе, они становятся такими ответственными, что просто с ума сойти. С ума никто, по счастью, не сошел, порядка в Тринадцатой редакции не прибавилось, но раз в две недели кто-нибудь из сотрудников, получив напоминание от своего компьютера, старается сделать окружающую действительность чуточку лучше. В прошлый раз, например, была очередь Галины Гусевой, и она героически перемыла все окна.

«Только дежурства мне сегодня и не хватало! – злобно подумал Константин Петрович, одним нажатием левой кнопки мыши убивая напоминалку. – Ну ничего, спихнём на кого-нибудь другого, не впервой».

Но успокаиваться было рано! Третья утренняя неприятность не заставила себя долго ждать, и напоминала она, скорее, хорошо спланированную диверсию: выяснилось, что кое-кто из сотрудников повредился в уме настолько, что счёл возможным изучить зарплатную ведомость. Причём – ничуть не скрываясь, прямо со своего компьютера. Более того – этот «кое-кто» не устыдился содеянного и даже пришел к Цианиду с целью прояснить детали.

– Здравствуйте, Константин Петрович. Скажите, а что такого полезного делает для издательства Наташа, что её зарплата превышает даже зарплату руководителя организации? Может быть, я чего-то не понял? И она здесь – главная? Или она – дочь учредителя? Проинформируйте меня, пожалуйста, как новый сотрудник, я имею право это знать, – надменно поинтересовался Денис ещё с порога.

Как отвечать на такую неприкрытую агрессию, особенно если агрессор до чёртиков напоминает тебя самого в начале пути? Стоило бы, конечно, отругать любопытного отрока, а потом ещё возложить на него почётную обязанность отдежурить, но господин коммерческий директор вдруг очень живо вспомнил свой первый месяц работы в Тринадцатой редакции – и сдержался.

У Константина Петровича – такого единственного и неповторимого – был испытательный срок. Ни у кого не было – всех сразу принимали или уж не приглашали вообще, а его вот решили проверить. Были, конечно, на то особые причины, Даниилу Юрьевичу пришлось даже поручиться за нового сотрудника, и ему, прямо скажем, не поздоровилось бы, если бы Константин Петрович не оправдал возлагаемых на него надежд.

Сообщив об испытательном сроке, шеф не уточнил, какие именно качества он собирается испытывать. Прошло две недели, потом три – Константин Петрович каждый день приходил на работу чуть раньше девяти, задерживался только по служебной необходимости, с коллегами говорил исключительно о работе – точнее, об официальной её части, так что две успешно проведённые операции по выявлению носителей и исполнению их желаний прошли мимо него. Но зато он отлично справлялся с цифрами.

За несколько дней до окончания испытательного срока шеф вызвал этого трудягу к себе, отметил его сверхчеловеческие успехи, но грустно добавил, что, скорее всего, им придётся расстаться.

– Тогда укажите мне на хотя бы один недочёт! – вскипел Цианид. – Это болото за такие деньги и в такие сроки вам не разгрёб бы никто!

– Точно так, – кивнул шеф.

– И теперь, когда самое трудное сделано, вы возьмёте на моё место другого?

– Не исключено, – подтвердил Даниил Юрьевич.

– Но это несправедливо!

– Не вижу, в чём заключается несправедливость, – развёл руками шеф. – Ты ведь сам согласился работать за эти деньги? Ты знал об испытательном сроке? Тебя никто не вынуждал силой?

– Я был уверен – и уверен до сих пор, – что никого лучше меня на эту должность вам не найти. Скажите хотя бы, что я делаю не так?

– Ты всё время говоришь только о себе, – снизошел до подсказки шеф. – Может быть, тебе стоит сотрудничать с нами по договору? Приходить, брать работу – и домой. Ты хотя бы имена своих коллег запомнил?

– Более-менее, – поправил очки этот герой труда. – Я же им зарплату выписываю, разве вы забыли?

– Ах да, конечно, – легко согласился шеф. – Ну тогда иди, выписывай дальше. У тебя ещё есть несколько дней.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история; Константина Петровича, скорее всего, действительно взяли бы работать по договору – считать деньги и не вмешиваться в более тонкие процессы, но в приёмной, возле кофейного автомата, скрашивавшего суровые издательско-мунговские будни Тринадцатой редакции, стремительный Константин Петрович наткнулся на Шурика. «Ой!» – сказал Шурик, проливая на пол половину чашки горячего кофе.

– Хорошо, что не на себя, – вместо того чтобы попросить прощения, строго сказал Цианид (тогда ещё не заполучивший это прелестное прозвище). Шурик устыдился и немедленно почувствовал себя виноватым. Хотя и без того ему было тошнѐхонько. Не так давно, практически у него на глазах, один совсем ещё неопытный и самодовольный шемобор подписал договор с носителем, которого Шурик выпасал уже неделю, вырабатывал тактику, продумывал стратегию, а этот гад взял, и без всякой стратегии и тактики – бух – и сработало. Впрочем, забегая вперёд, стоит заметить: первая победа так раззадорила неумеху, что на втором же деле он попал в цепкие и ласковые объятия бригады психиатрической помощи и до сих пор, наверное, получает свои уколы и пилюли. Никто из коллег (включая учителя и двух его более опытных учеников!), а уж тем более из руководства, разумеется, и не подумал его вытаскивать: естественный отбор, законы конкуренции. Сам знал, на что подписался.

Но обо всём этом Шурик, естественно, не подозревал. Он стоял возле кофейного автомата и мысленно повторял про себя простое заклинание: «Большие мальчики не плачут». Заклинание почти подействовало, но тут из кабинета Даниила Юрьевича неожиданно вылетел новенький, старательно твердивший про себя другое заклинание: «Я всё равно им докажу, что я лучший».

– Это просто нечестно! Ведь правда же? – жалобно спросил Шурик. Его вера в справедливость была под угрозой: какой-то «плохой парень», да ещё и «плохой работник», обскакал его, «хорошего парня» и «хорошего работника». Разве так бывает?

– Абсолютно нечестно! – уверенно кивнул Константин Петрович. Ровно это он только что и пытался доказать Даниилу Юрьевичу.

– И как же теперь быть? – попытался взять себя в руки Шурик.

– Прорвёмся! – буркнул Константин Петрович и принялся колдовать над кофейным автоматом. Коль скоро кто-то разделяет его точку зрения – значит, партия не проиграна. Надо же, какой прозорливый и мудрый человек этот Александр – сразу оценил его компетенцию и уровень знаний. Тем временем «прозорливый и мудрый Александр» слегка приободрился, получив от угрюмого новенького неожиданную поддержку, и попытался найти поблизости какое-нибудь подобие половой тряпки.

Пока в Тринадцатой редакции не появился референт – то есть Наташа, – в приёмной хозяйничали все по очереди, то есть почти что никто. На журнальном столике лежали горы газет и ненужной корреспонденции, на диване валялись старые факсы и счета, грязные кофейные чашки копились на всех доступных поверхностях. Иногда сёстрам Гусевым, которые чаще других пользовались факсом и по этой причине были вынуждены любоваться окружающей разрухой, всё это надоедало, они принуждали коллег к порядку, и тогда в приёмной становилось уютно. Ненадолго.

Итак, Шурик полез на шкаф в поисках какой-нибудь тряпки. Константин Петрович уселся на краешек дивана и принялся ожесточенно дуть на чашку с кофе.

– Телефон надрывается, а два здоровенных долбоклюя балду пинают, – прокомментировала эту идиллию Галина Гусева, вваливаясь в приёмную. – И чтоб чашки за собой вымыли, а то знаем мы вас.

– Я всегда мою за собой чашку, – тоном оскорблённой невинности ответил Константин Петрович. «Долбоклюев» он решил пропустить мимо ушей.

– Отлично, значит, и за остальными помоешь, не переломишься, – постановила Марина, возникшая в дверном проёме вслед за сестрой. – Короче, на тебе посуда, Шурик вынесет газеты и прочий мусор, а мы пока рябиновки тяпнем.

После того как в приёмной стало почти идеально чисто, в неё сразу же начал сползаться народ. На запах спиртного прибежал из своего кабинета Виталик, уселся на пол напротив Галины с Мариной и принялся умильно на них глядеть, покуда ему не выделили рюмочку; приполз с очередных переговоров и разлёгся на диване Лёва. Каждому пришедшему Шурик авторитетно заявлял, что «новенький всё понимает, совсем свой, только стесняется», и Цианид скорее почувствовал, чем понял, что пропускает в этой жизни что-то очень важное, интересное, что-то, что гораздо ценнее даже правильно оформленной финансовой отчётности (он сам даже ужаснулся своим мыслям, а что делать!).

– Вовремя спохватился, – уголками губ улыбнулся шеф, подписывая приказ о приёме.

– Да это не я одумался. Просто повезло, – признался тот. – Сам бы я не стал ни с кем дружить. Я же гордый и лучше всех.

– Ну, по крайней мере – не хуже, – дипломатично кивнул шеф.

– Даниил Юрьевич, скажите, а у меня тоже есть какие-то сверхъестественные способности? – притоптав на время свою гордость и лучшесть, спросил Цианид. – Или я всего лишь отлично умею управляться с цифрами и деньгами?

– Такого «всего лишь» поискать ещё. А зачем бы ты нам был нужен – без способностей? – покачал головой шеф, ударяя мизинцем правой руки об указательный палец левой. – Ты понял, что я сейчас сделал?

– Это какой-то фирменный жест, да? – заинтересовался Константин Петрович. – Знак того, что я принял?

– Это традиционный приём, который используется при установке защиты.

– А, защита, конечно, – с пониманием кивнул Цианид. – Я просто не знал, что так тоже можно.

– Многие не знают, что можно как-то по-другому. А даже если и знают – то не могут. Я ответил на твой вопрос?

– Но разве для этого нужен талант? – разочарованно протянул Константин Петрович.

– Нужен, – отрезал Даниил Юрьевич. – Поищи среди наших гениев кого-нибудь, кто расскажет тебе об этом в красках и подробностях.

– А может быть, вы будете давать мне уроки? – набрался наглости будущий коммерческий директор. Ему хотелось получить знание из самого авторитетного источника.

– Ну, если никто больше не захочет иметь с тобой дела, то приходи, научу, – с брезгливой жалостью в голосе произнёс шеф и снова ударил пальцем о палец, снимая защиту. – К слову о делах – ремонт, о котором так долго говорили большевики, наконец-то одобрен Москвой. Ты очень убедительно обрисовал картину полной разрухи, царящей у нас здесь, за что тебе честь и хвала. Только вот потесниться нам всем придётся, это да. Не возражаешь, если в твоём кабинете посидят какое-то время Шурик с Виталиком?

– Не возражаю, – с сомнением в голосе протянул Константин Петрович. Ну не возражать же ему было после всего этого? О том, что случилось потом, и как Константин Петрович получил прозвище Цианид – вы уже знаете.

Вспомнив эту поучительную историю, коммерческий директор не стал испепелять Дениса взглядом (тем более что он этого и не умел) и даже не отругал его за не полагающееся по должностной инструкции любопытство, а насколько мог сдержанно и кратко поинтересовался, что именно Денис забыл в его, Константина Петровича, личной рабочей папке.

– Если она ваша личная – прошу меня извинить, – холодно ответил Денис. – Но мне казалось, что если некий объект доступен всем, то нет ничего дурного в том, чтобы один из этих всех поинтересовался его содержанием.

«Неужели я был таким же занудой?» – с ужасом подумал Цианид.

– Это, видимо, моя ошибка, – быстро умножив в уме 238 на 764 и почти совсем успокоившись после этой нехитрой операции, произнёс он вслух. – Я должен был тебя проинструктировать. Ну что ж, придётся инструктировать прямо сейчас.

– А как вы прокомментируете ситуацию с Наташиной зарплатой? – напомнил Денис.

– Инструктирую, – с нажимом произнёс Цианид и на всякий случай выставил защиту. – В отсутствие Даниила Юрьевича его обязанности исполняю я, его заместитель.

– И доверенное лицо? – уточнил Денис.

– Нет. У нас в плане доверия – полное равноправие. Все лица друг другу – одинаково доверенные. Но ты меня всё-таки не перебивай. Ко мне в кабинет лучше бы не врываться без предварительного звонка – без крайней необходимости. Каковой в данном случае я не вижу. Далее. В моих документах – несмотря на их абсолютную доступность и открытость – тоже не надо рыться. Передать не могу, как я в таких случаях обычно огорчаюсь. В документах других сотрудников ты тоже вряд ли найдёшь что-либо интересное для себя.

– Скажите, а не проще ли было бы поставить пароль на каждую папку и не зачитывать сотрудникам таких унижительных инструкций? – поинтересовался Денис.

– Ничего унижительного в этом я не вижу, – пробурчал Цианид (он сам составлял эти инструкции и очень ими гордился). – А пароль доступа у нас общий – это тебе Виталик лучше

объяснит, он у нас мастер по таким вещам, – и он отлично защищает всю сетку от сторонних вторжений. Зато если с кем-то из нас что-нибудь случится – упавшее знамя подхватят товарищи и продолжат дело выбывшего из строя бойца. А если боец унесёт свой пароль в могилу, будет не слишком удобно сразу же после смерти к нему с этим приставать. Тем более что сразу и не получится – сначала он будет в техблоке, это уже девять дней долой, потом...

– А что, издавать книги – это такое опасное дело? – прищурился Денис.

– В жизни многое опасно, – свернул тему Цианид. – Отвлекать меня от работы – особенно.

– Хорошо. Чтобы больше не отвлекать вас по пустякам, спрошу сейчас – чем вызван такой разброс в зарплатах? Меня это интересует чисто теоретически, поскольку, как уже говорилось, я не нуждаюсь в дополнительных источниках финансирования и те деньги, о которых мы договорились с Даниилом Юрьевичем, являются некой необходимой, но необязательной условностью.

– «Условностью»? – подскочил на месте Константин Петрович. – Какое счастье, что ты не воспринимаешь свою работу здесь как дополнительный источник финансирования, иначе, боюсь, нас бы отсюда погнали за излишнюю борзость. А теперь слушай и запоминай.

Коммерческий директор справедливо решил, что такому въедливому парню, как Денис, лучше рассказать всё честно и по порядку – иначе он так и будет врываться к нему в кабинет по всякому незначительному поводу.

Всё дело в том, что финансовый вопрос во всех крупных компаниях, пригrevших на груди мунгов, решается просто и эффективно. Каждый сотрудник при приёме на работу сам называет желаемую зарплату – и получает её без разговоров. Потому что человеку, занимающемуся выполнением чужих желаний, надо как минимум не задумываться о базовых потребностях, а запросы у всех – разные. Спасибо издательству «Ме-габук» и другим крупным компаниям, вкладывающим деньги в счастье незнакомых людей!

Это была рекламная пауза, а мы продолжаем дальше.

В Тринадцатой редакции дела с зарплатами обстоят следующим образом: Цианид получает ровно столько, сколько заслуживает, сколько зарабатывает и на сколько сам себя оценивает, – и у него у единственного нет по этому поводу никаких сомнений. Он, кстати, наивно полагает, что и у других всё в шоколаде: когда тебе предлагают самому себя оценить – это же так прекрасно!

Шурик получает гораздо меньше, чем заслуживает, но искренне полагает, что заслуживает ещё меньше, так что он всякий раз не верит своему счастью, пересчитывая купюры после очередной раздачи жалованья. Сёстры Гусевы, в принципе, прекрасно знают, сколько они зарабатывают, но получают чуточку больше, чему вполне рады – и при этом делают вид, что очень нуждаются: отличный повод затейливо поворчать, грех им не воспользоваться! Хитрым старушкам никто не верит, кроме всё того же Шурика, который периодически порывается ссудить им часть зарплаты просто так. К счастью, они это вовремя пресекают. Лёва Разумный получает чуть меньше, чем следует, но не жалуется, потому что иначе он все вечера будет проводить в кабаках и озверееет окончательно. Виталик не помнит, сколько ему платят, не понимает, куда деваются деньги, всегда одалживает у всех по мелочи и записывает долги прямо на стенах в собственном кабинете, исправно рассчитываясь с кредиторами после каждой зарплаты и вычёркивая их имена из своего списка славы. Раз в полгода на стенах заканчивается место, Виталик чешет в затылке, потом красит кабинет тёплой желтой или светлой оранжевой краской, и всё начинается с начала.

Наташа получает в несколько раз больше, чем заслуживает любой, даже самый выдающийся, референт. Просто потому, что на её изящных плечах сидит немалое семейство: хронически безработная мать, старенькая бабушка и двое младших братишек. Что касается Даниила Юрьевича, то он уверяет, что деньги нужны не ему, а его статусу. Именно статусу, а не самому

шефу Тринадцатой редакции принадлежат автомобиль, несколько шикарных костюмов, вывоз телефонов и ноутбуков, дипломат и прочие атрибуты современного успешного делового человека. И статус же тратит на это деньги.

– То есть я тоже мог бы назвать любую сумму? – уточнил Денис.

– Но ты ведь не будешь это делать, правда? – взмолился Константин Петрович.

– Разумеется, нет. Мне было важно понять причины, по которым мой непосредственный руководитель, Александр Андреевич, получает такую унижительно маленькую зарплату. Теперь я понял, в чём дело.

– А Александр Андреевич – это у нас кто? – устало спросил Цианид.

– У вас это – Шурик. А у меня – Александр Андреевич, – отчеканил Денис и гордо покинул кабинет коммерческого директора, к величайшей радости последнего.

По коридору бегал на четвереньках Лёва. Бегал и выл, а иногда даже ударялся головой о стенку, не сильно, но эффектно. Так он выражал своё несогласие с принципами управления персоналом в пиар-отделе головного офиса издательства.

– Если ты всё равно тут ползаешь, может быть, прихватишь мокрую тряпку – хоть пол вымоешь, всё польза, – попыталась призвать его к порядку Галина Гусева, но Лёва только ещё сильнее стукнулся головой о ближайшую стену и пополз дальше. На очередном вираже старушка всё же отловила его, заставила встать на ноги, погладила по голове и пообещала при случае зарезать гадкого руководителя пиар-отдела, чтобы тот больше не огорчал такого славного мальчика. Под действием ласки Лёва в момент успокоился, пелена безумия спала с его глаз, и он виновато заметил, что сам хорош – забыл внести предоплату за конференц-зал, а теперь что уж.

– Ну, может владельца зала зарезать? – с надеждой спросила Галина.

– Пока не надо никого резать. Я сейчас ему позвоню и буду униженно молить об отсрочке. И всё-таки за сутки о таких вещах, как приезд автора, не предупреждают!

– Конечно же нет! – поддержала Галина. – Зачем вообще о чём-то предупреждать?

Словом, к приходу шефа Лёва уже был готов отчитаться о проделанной работе, да так, что даже умудрился удивить привычного к его трудовым подвигам шефа. Выходя из кабинета начальства, героический пиарщик наткнулся на Константина Петровича, всё ещё не решившего, на кого бы ему спихнуть сегодняшнее дежурство, а оттого – ещё более въедливого, чем обычно. На этот раз ему приспичило прочесть Наташе лекцию о культуре телефонных переговоров. Вообще-то, Наташа и без того была вполне культурной и вежливой, никто на неё ни разу не жаловался, но надо же было такому случиться, что зловерный Цианид выплыл в приёмную за очередной партией ежедневных газет именно в тот момент, когда милая барышня прощбетала в трубку фразу, не имеющую ничего общего с деловой этикой: «Погодите, миленький, я вас сейчас переключу на Даниила Юрьевича». Нажав немедленно на кнопку громкой связи, любопытный коммерческий директор с ужасом узнал голос Генерального! И хотя Генеральный совсем не обиделся на «миленького» – скорее уж наоборот, – Наташе тут же влетело.

– Всё поняла? – строго спросил Константин Петрович, завершая воспитательную беседу, и потянулся за свежей газетой.

– Ага, – легкомысленно кивнула Наташа и тут же переключила своё внимание на более интересного собеседника. – Ой, Лёва, миленький, тебе только что звонили от директора пиар-отдела, я сказала, что ты ему перезвонишь, как только освободишься.

– Так, я не понял – ты всех, что ли, «миленькими» называешь? – снова взъелся Константин Петрович.

– Нет, не всех, – честно ответила девушка. – Вас не называю. Вам же это не нравится.

– Не мил ты ей, приятель, – пояснил прямолинейный Лёва и мерзко заржал. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы в приёмную не влетел Виталик. Быстро поздоровав-

пись со всеми (включая Марину Гусеву, всё это время незаметно колдовавшую над кофейным автоматом, чтобы запрограммировать его на выдачу более крепких напитков), он привычно поинтересовался, не знает ли кто, где можно стрелкнуть денег до зарплаты.

– Тебе бы лучше о дежурстве думать, – ласково сказал Цианид: наконец-то он придумал, на кого можно свалить это замечательное дело.

– А что, я сегодня до кучи ещё и дежурю? – почесал переносицу Виталик. – Совсем забыл!

– Дежуришь, дежуришь, – убедил его подлец Цианид. – Марина, а вы зря теряете драгоценное время – это кофейный автомат, а не шляпа фокусника, что в него насыпали, то он и сварит. Лёва, а ты что застыл? Кажется, тебе звонил твой московский начальник, будет здорово, если ты соизволишь связаться с ним в ближайшее время. Виталик, если ты забыл, где у нас кладовка, или боишься один спускаться в тёмный страшный подвал, Наташа тебя проводит. Правда, Наташа? И чтобы больше никаких «миленьких» в служебных разговорах!

Сказавши это, Константин Петрович повернулся на каблуках и, не оборачиваясь, направился к выходу из приёмной.

– Хотя бы ты полюбил кого-нибудь, что ли, – покачала головой ему вслед Марина Гусева.

– Только не меня! – хором воскликнули Наташа и Виталик, в притворном ужасе кидаясь друг другу в объятия и якобы трепеща от страха.

– Так, давайте вы обниматься будете не на рабочем месте, да? – рыкнул на них Лёва, протискиваясь к телефонному аппарату. – Что ж все идиоты-то такие кругом? Зла не хватает.

– Не хватает зла – не злись, – философски заметила Марина, величественно выплывая из приёмной.

– Нет, я буду, буду злиться! – крикнул ей вслед Лёва. – До него ещё хрен дозвонишься, а когда дозвонишься, то блин... Здравствуйте, Николай Леонидович. Мне передали, что вы звонили и хотели со мной поговорить...

Интонации пиарщика изменились на полуслове: только что он буквально плевался ядом, как вдруг речь его потекла молочной рекой во кисельных берегах.

– Профессионал! – с уважением шепнул Наташе Виталик. – Великий воин! Ну ладно, я побегу в страшный подвал за страшной шваброй. Если не вернусь – собирайте спасательную экспедицию.

Уже через пару часов после первого знакомства с рукописями Денис знал о жизни куда больше, чем до этого. Даже в страшных кошмарах он не мог бы себе представить, что по-русски можно писать настолько безобразно. Первым пяти беднягам, попавшим под горячую руку, он отправил весьма суровые ответы, но потом решил не тратить время понапрасну, создал шаблон отказа, в который следовало только вписать имя автора и название его произведения, и дело пошло быстрее.

Из-за неплотно прикрытой двери в коридор раздавались какие-то крики, смех, обрывки голосов. При этом они не отвлекали от дел, а даже, как ни странно, создавали уютную рабочую обстановку.

Шурик явился только после двенадцати. На вопрос Дениса – отчего не ближе к вечеру, он обезоруживающе улыбнулся и развёл руками: мол, извини, друг, хотел, конечно, к вечеру только зайти, но не удержался, прости, если помешал твоим планам. Не успел он толком прийти в себя и рассказать Денису душераздирающую историю о том, почему он сегодня явился так поздно, как обоих вызвал к себе Даниил Юрьевич.

– Повезло, – покачал головой Денис. – А если бы тебя не было на месте? Что мне говорить в таких случаях, чтобы не навлечь на тебя неприятности?

– Да нет, такого просто быть не может, ты не знаешь Даниила Юрьевича. Он всегда каким-то образом чувствует, кто на месте, а кого ещё нет.

– И ты, зная об этом, не боишься являться на работу позже всех?

– А чего бояться? Вот если бы Цианид обладал таким чутьём – тогда бы мне канты.

В кабинете шефа, в уголке возле окна, пристроился мрачный и взвинченный Лёва: он что-то быстрым убористым почерком писал в небольшом блокноте, порывисто зачёркивал, снова писал. За столом для переговоров пристроился Константин Петрович, только и ждавший появления Шурика с Денисом – для того, чтобы накрыть весь кабинет защитным колпаком, непроницаемым для чужих ушей, глаз, приборов слежения и прочих шпионских штучек.

– Сложный носитель попался, – без предисловий начал шеф. – Виталик утверждает, что на него уже дважды выходили, предположительно шемоборы, так что он, вероятно, настороже. Тем лучше для нашего Читателя – начинать надо с самого сложного дела, чтобы потом, набравшись опыта, самому не верить в то, что ты с ним справился.

– Я не склонен слишком доверять в этом вопросе Виталику, – подал голос Константин Петрович. – Все его нововведения на начальном этапе сбоят и не могут давать гарантированного результата.

– А гарантированного результата вообще ничего не даёт, что ж теперь, ничего нового не придумывать? – вмешался Лёва.

– Список, Лёва! Составляй, пожалуйста, список и не отвлекайся от него, – почти умоляющим тоном произнёс Даниил Юрьевич. – Ребята, мало времени. Я сегодня весь в издательских делах, и Лёва тоже. Считайте, что нас тут вообще нет. Константин Петрович занимается текущими делами, со всеми вопросами – к нему. Шурик, дожди, пожалуйста, «Роман с Вампиром». Но сначала – возьми Дениса, и поезжайте поглядеть на нашего нового носителя. Виталик вас сориентирует на местности. Кстати, я что-то не понял, почему он вместо Цианида дежурит? У вас что, ребята, какой-то взаимозачёт?

– Да у Витальки голова – как решето, – снова отвлёкся от списка Лёва. – Он, небось, забыл, когда ему дежурить, а этот гад услужливо напомнил.

– Зато он так увлёкся, что к ночи, того и гляди, полезет на крышу – драить её до зеркального блеска, – самодовольно заметил Цианид так, будто бы это он сам собирался к ночи лезть на крышу.

– Ну, ничего, ты теперь за него дважды отдежуришь – и будете квиты, да, Костя? – мягко и даже без скрытой угрозы в голосе спросил Даниил Юрьевич, но Константину Петровичу внезапно стало холодно и страшно. Когда шеф называет его «Костя» – лучше сразу со всем согласиться, иначе выставишь себя на посмешище.

– Кстати, Денис, не обязательно приходить на работу так рано, если тебе не хочется, – невозмутимо продолжал Даниил Юрьевич и, предваряя его вопрос, тут же добавил: – А если хочется – то, конечно, приходи. Но вообще-то вы все нужны мне бодрыми и свежими, а не сонными и вялыми.

– Тогда убейте меня, – пробормотал Лёва. – Я сонный, вялый и тупой.

– Не раньше, чем мы проведём встречу с автором, – покачал головой шеф. – От сонного и вялого пользы всё же больше, чем от мёртвого и неподвижного. А тупым тебе прикинуться не удалось – больше мастерства надо вкладывать в процесс, так что не отвлекайся и пиши. Шурик, Денис – вопросы есть?

– Никак нет! – неожиданно хором ответили эти двое.

– У меня есть вопрос, – деликатно, но твёрдо вмешался Константин Петрович. – Я не уверен, что новенькому следует начинать с такого сложного дела.

– О сложности дела можно судить только после того, как оно доведено до конца, – сухо сказал шеф. – И я очень надеюсь на Дениса – тут нельзя ни в малейшей степени действовать по одной из известных схем, есть большие подозрения, что схемы наш носитель интуитивно просчитывает и тут же отвергает.

– Новичок обычно, сам того не подозревая, начинает с классической схемы, – продолжал спорить Цианид, как будто забыл, что шеф совсем недавно назвал его Костей.

– Миленький Костя, не суди всех по себе. На моей памяти ты – единственный, кто попёр напролом на первом же задании. Остальные как-то исхитрялись подойти к вопросу творчески. Кстати, ты как-то странно реагируешь на слово «миленький». Тебя так никогда не называли? В самом деле?

– И ещё скажите ему, что та кофейная дрянь, которую он купил по дешевке, оскорбляет саму суть этого благородного напитка! Попробуйте сами! – ввернул Лёва.

– Ты же знаешь, я кофе не пью и поэтому ничего в нём не смыслю. Кстати, я вообще подумываю избавиться от кофейного автомата, – задумчиво произнёс шеф. – Зачем вам стимуляторы? Тебе-то уж точно ни к чему: не спал всего-то одну ночь, а бегаешь, как будто тебя Неспящая красавица поцеловала.

Есть в арсенале у мунгов такое жестокое, но иногда необходимое средство, именуемое «Неспящая красавица». Хранится в ампулах, вводится внутривенно, отгоняет сон на семь суток и позволяет управиться к нужному сроку с любой работой. Упоминание данного препарата, действие которого никто ещё на себе, по счастью, не испытывал, заставило команду собраться. Константин Петрович пообещал не экономить на кофе для офиса и даже демонстративно записал это в свой ежедневник, Лёва шустро зачирикал целую страницу, а потом для верности вырвал её и скомкал, Шурик быстренько вспомнил десяток самых избитых схем работы с носителями – сам он их не применял, но много раз про них слышал, но тут Денис бесцеремонно выдернул его из этих размышлений, коротко спросив: «Ну, мы идём?» – и они удалились. На всё про всё ушло не больше минуты: Даниил Юрьевич всегда даёт сотрудникам выговориться, но, как только разговор по существу превращается в болтовню, приостанавливает его одним только движением бровей.

Маша Белогорская решительно шагала в сторону Тринадцатой редакции. Было очень страшно. Весьма вероятно, что редактор Саша, то есть, конечно, Александр Андреевич, решил посмеяться над нею. Вот она приходит, усаживается, достаёт паспорт и ксерокопии документов, необходимых для составления договора, – и тут же из всех углов выскакивают весёлые люди, распеваящие: «Обманули дурочку на четыре булочки, обманули Машу, все поём и пляшем!» Ну и пусть. Нельзя же вечно прятаться!

На подходе к нужному двору она заробела настолько, что ей даже пришлось прибегнуть к допингу. Всего одна рюмка коньяку в какой-то сомнительной, но чистой забегаловке – нет, пожалуй, даже две рюмки, вот так, – страх, правда, никуда не делся, да и Маша не стала смелее, просто между ней и страхом воздвиглась стена из толстого непрозрачного стекла.

Особнячок Тринадцатой редакции возник перед ней внезапно, как будто выпрыгнул из распахнутого окна соседнего дома. Ну, теперь поздно отступать – камера наружного наблюдения, установленная над входом, наверняка её уже отследила, так что топтаться на крыльце глупо – надо идти навстречу своей судьбе, а там – будь что будет. «Ну, бить-то меня не станут, наверное. Так, посмеются разве», – успокоила себя Маша и нажала на кнопку звонка.

Услышав знакомое противное булькающее жужжание, Наташа переключилась на камеру наружного наблюдения, мельком взглянула на посетительницу, испуганно уставившуюся прямо в монитор, и разрешила ей войти. В самом начале своей карьеры звонок на входной двери Тринадцатой редакции издавал довольно-таки банальные, но приятные трели, однако однажды вечером Виталику (а кому же ещё!) показалось, что эти трели разрушают его мозг. Неудивительно – если целую неделю не вылезать из «Петушков», то в конце концов любой звук будет восприниматься подобным образом. Не откладывая дела в долгий ящик, Виталик разобрал прибор, что-то перенастроил, где-то подкрутил, потом решил обучить звонок десятку разнообразных мелодий, позитивно влияющих на человека, побежал искать эти мелодии в Интернете, по дороге придумал, как можно усовершенствовать почтовый клиент, ну и в итоге

звонок до сих пор сипит и хрипит, как пожилой курильщик в суровую зимнюю пору. Самое удивительное заключается в том, что ни один мозг в результате этого скрипа не пострадал.

Маша поднималась на второй этаж величественно и спокойно. То есть это ей так казалось – на самом деле она суетливо перепрыгивала со ступеньки на ступеньку, хватаясь за перила так, будто лестница под ней вот-вот рухнет.

«А теперь – собратись!» – приказала она себе и решительно распахнула дверь в приёмную. Мать всегда говорит: ты не умеешь себя предъявить, вот у тебя ничего и не ладится! Ничего-ничего, сейчас заладится, сейчас всё обязательно заладится, вот увидите.

– Здравствуйте, я Мария Белогорская. Мне нужен Александр Андреевич, сообщите ему, пожалуйста, что я пришла с ним поговорить, – сразу с порога произнесла Маша.

От такой попытки предъявить себя Наташа чуть со стула не упала. К счастью, она ещё вчера уяснила, что Александр Андреевич – это Шурик, и постаралась деликатно сообщить посетительнице, что его в данный момент нет на месте. Открыла рот и резко отчеканила:

– Он уехал!

Маша даже попятилась от такого гостеприимства, а уж сама Наташа и вовсе обалдела – как это у неё получилось такое сказать? Она снова открыла рот, чтобы извиниться и вежливо пояснить, что Шурик уехал и что она готова помочь посетительнице в её деле, но вышло почему-то совсем другое:

– Что вам надо?

– Я зайду в другой раз, – твёрдо сказала Маша и повернулась было к двери.

«Надо её остановить! Надо извиниться, попросить присесть, напоить кофе! Какой кошмар, что со мной происходит вообще!» – пронеслось в голове у Наташи. Она снова открыла рот и прокаркала:

– Стоять! Сидеть! Вон диван, там кофе, плащ на вешалку! Я сейчас.

– Да-да, – оторопела Мария и послушно сняла плащ, взглядом провожая этого цербера.

Наташа выскочила из приёмной и опрометью бросилась по коридору, в сторону кабинета Виталика – у него в шкафу, кажется, завалилась портативная боксёрская груша. Ещё чуть-чуть – и ни в чём не повинная посетительница получила бы по голове факсовым аппаратом.

Наташа притормозила немного, прижалась лбом к прохладной стене и попыталась проанализировать своё поведение. Это что, ревность? Но с какой стати? Да, у Наташи с Шуриком был роман – очень короткий, в самом начале её работы в Тринадцатой редакции, но это давно уже в прошлом, и теперь они хорошие друзья и коллеги, и это, кажется, гораздо лучший вариант. В первые несколько месяцев они практически не отходили друг от друга, но потом Наташе стало страшно рядом с человеком, который слишком хорошо понимал все её желания, гораздо лучше, чем она сама. Ей хотелось всё время быть рядом с ним и в то же время – убежать от него как можно дальше и тихонечко умереть где-нибудь в углу. Шурику в свою очередь и самому было очень не по себе: в какие-то моменты он переставал ощущать себя и как будто становился частью Наташи, и самое ужасное заключалось в том, что такое сладостное рабство ему безумно нравилось и выходить из этого состояния с каждым разом было всё труднее и больнее. Словом, оба они были скорее рады тому, что вынырнули из этого омута без малейших потерь, так что ревновать кого-то к Шурику, завидовать кому-то, кто может попасть в такую болезненную зависимость, – да ну, бросьте! Скорее уж стоит пожалеть бедняжку.

Чем дальше Наташа отходила от своего рабочего места, тем легче ей становилось. В какой-то момент прежнее душевное равновесие вернулось к ней окончательно, но не остановилось на этом, так что финишировала Наташа в таком благодушном расположении духа, что в пору было не по груше бить, а устраивать в кабинете Виталика внеплановую дискотеку.

Впрочем, Виталик был несколько занят. Наташе, остановившейся на пороге его сказочно преобразившегося после уборки кабинета, открылось удивительная картина: Лёва и Виталик,

вцепившись друг другу в глотки, страшно ругались и, кажется, собирались в ближайшее время друг друга поубивать – ну или хотя бы навсегда рассориться.

- Презираю тебя! – рычал Лёва.
- Проклинаю тебя! – хрипел Виталик.
- Порицаю тебя! – не сдавался Лёва.
- Отрицаю тебя! – парировал противник.

Наташа прикрыла дверь и замерла у входа, с интересом переводя взгляд с одного на другого, но представление очень скоро закончилось. Злые, но довольные, противники опустили руки, повертели головами, чтобы удостовериться, что никаких повреждений нет, и повернулись к Наташе.

– Мальчики, не убивайте друг друга, пожалуйста! – сказала она на всякий случай. – Вы оба такие отличные, нам без вас будет плохо!

– Да, мы отличные, – самодовольно подтвердил Виталик.

– Но руководят нами одни кретины, – добавил Лёва, закуривая сигарету. Он по привычке огляделся в поисках какой-нибудь мусорной мелочи, вроде пустой пивной бутылки или хотя бы жестянки, которая вполне могла бы заменить пепельницу, но, не найдя ничего подобного в чисто прибранном кабинете окончательно обезумевшего Техника, направился к окну – мусорить в форточку, благо, навести порядок во дворе Виталик так и не собрался.

– Кто вас обидел? – удивилась Наташа. – И как он мог?

Хулиганы, казалось, только и ждали этого вопроса. Наташа узнала, что директор пиар-отдела «Мега-бук» – не только хрен моржовый, отмороженный, но и (далее следует конструкция, состоящая преимущественно из грубых ругательств и перечисления способов особо медленного и мучительного убийства живых существ). В свою очередь Виталик добавил, что Цианид не только тупая самодовольная макака, но и (тут он тоже не удержался от ругани, добавив к каждому слову красок и эпитетов и почти совсем избежав упоминаний о возможном причинении коммерческому директору тяжелых физических увечий).

Иными словами, два вышеозначенных злодея так достали Лёву и Виталика, что они решили разыграть ритуальное удушение своих врагов. В роли неприятеля с каждой стороны выступали, опять-таки, Лёва и Виталик. Виталик душил и ругал Лёву, представляя, что ухватил за горло негодяя Константина Петровича, а Лёва воображал, что убивает и жестоко крикует руководителя московского пиар-отдела.

– И знаешь – полегчало! – объявил Виталик.

– Все какие-то сегодня злые, вот и я тоже. Может, что-то происходит, а мы это чувствуем? – задумчиво произнесла Наташа.

– Ты злая? – чуть не выронил сигарету Лёва.

– Конечно, злая! – заявил Виталик. – Была бы добрая – кинулась бы нас разнимать. Вдруг бы этот детинушка меня взаправду придушил?

– Я-то не придушу, у меня большой опыт, а вот ты с непривычки меня чуть на тот свет не отправил! – проворчал в ответ Лёва. – Я тебе потом покажу, как надо душить человека, чтобы его не задушить.

– А как надо душить человека, чтобы его задушить, – покажешь? – оживился Виталик.

– Ага. На шее заказчика. На твоей то есть, – ответил Лёва и выкинул окурочек в окно.

– Эй, ребята, – подала голос Наташа, – ну послушайте меня, что ли.

– Уже слушаем! – заявил Виталик, шустро вооружился блокнотом и ручкой для конспектирования, уселся на пол и преданно уставился на Наташу, будто она была самым строгим в мире лектором. Лёва ограничился тем, что молча приволок из угла стул и усадил на него «строгого лектора», а сам отошел к стенке и прислонился к ней спиной.

– Рассказывай, кто тебя разозлил, – хмуро заявил он. – Чтобы навалить ему по шее, время у меня найдётся.

– Да не надо никому по шее! – замотала головой Наташа. – Разве что мне. За повышенную агрессивность. Представляете – к Шурику пришла какая-то посетительница, а я её – вы только не смейтесь – облаяла и застроила!

– Ха-ха-ха, – тут же сказал Виталик. – Гав-гав, стой, раз-два.

– Вот Шурику и надо по шее, – оживился Лёва, – чтоб романы на работе крутить прекращал.

– Да успокойся ты со своим «по шее», при чём тут романы, – слегка покраснела Наташа: ну точно, Лёва тоже решил, что она, как последняя дура, из ревности на человека набросилась. – Тут совсем другое что-то. Я хочу ей сказать – мол, подождите, пожалуйста, а получается вместо этого: «Стоять! Ждать!» И ещё очень хотелось ей по голове факсом дать. Такое ощущение, что во всех моих неудачах, сколько их было, виновата она, и стоит её только устранить, как...

– Ощущение, говоришь? – прищурился Лёва, ударяя пальцем о палец.

– Ну да. Такое, знаешь... Погоди, неужели ты думаешь, что это – оно?

– А чего тут думать? – начал было Виталик. – Вот я как-то раз...

– Да подожди ты, – остановил его Лёва. – Наташ, давай-ка сначала, чтобы не ошибиться.

И Наташа охотно восстановила в памяти все подробности появления неприятной посетительницы, припомнила свои ощущения и мысли и даже вполне остроумно описала «сиротский плащик» Марии и то, как она якобы с благородной небрежностью повесила его на крючок.

– Всё, что ты сейчас сказала про плащик, – это девчачья стервозность обыкновенная, одна штука, – отсёк лишнее Лёва. – А остальное вполне пишется в схему. Поздравляю, подруга, теперь ты – взаправдашняя Разведчица, с завтрашнего дня приступаем к занятиям.

– То есть у нас в приёмной сидит носитель? – встревожился Виталик.

– Ага. И судя по описанию – это Маша-Роман-с-Вампиром, которую наш распрекрасный Шурик никак не может найти, – догадался Лёва.

– Надо её остановить! Удержать! – подпрыгнул Виталик.

– А лучше – увести куда-нибудь из приёмной, чтобы я её не зашибла ненароком! – добавила Наташа. – Так что, получается, я теперь смогу сама находить носителей?

– Да не вопрос, конечно сможешь. Ты уже смогла, – Лёва потёр мочку своего «чувствительного» уха и подумал, что всё же с ощущением ему повезло куда больше, чем Наташе: физическую боль он способен переносить и не морщиться – её действие конечно, границы известны, нужно просто терпеть и делать своё дело. А вот если бы ему, человеку и без того неуравновешенному, всякий раз хотелось прибить носителя факсовым аппаратом – он бы не удержался и всех перебил. А что же, вариант: нет носителя – нет желания.

С того момента, когда шеф вскользь упомянул о том, что при удачном раскладе из Наташи может получиться Разведчица, она только и делала, что прислушивалась к себе и своим ощущениям. Даже «дневник ощущений» завела – строго отслеживала всё, что выходило за рамки обыденного, описывала и обдумывала перед сном. Но когда работаешь в таком заведении, как Тринадцатая редакция, необычное так и падает тебе на голову, не успеешь отсортировать и отследить. В конечном итоге Наташа забросила свой дневник и по совету Даниила Юрьевича на некоторое время забыла о том, что она – будущая Разведчица. И вот оно – ощущение, не заставило себя долго ждать. Хотя, если честно признаться, Наташа втайне надеялась, что её ощущение будет приятным, забавным или хотя бы необременительным.

– Бывает гораздо хуже, – успокоил ей Лёва. Наташу это не слишком воодушевило.

– Ты лучше радуйся, что оно у тебя такое, не совсем удобное, – произнёс Виталик, направляясь к двери. – А то бы начала гоняться за носителями в поисках приятных ощущений, стала бы трудоголиком, усохла, изгрызлась, превратилась во второго Цианида! Ладно, посидите тут, мои воробушки, а я пойду прогоню злую кошку со двора!

Тем временем упомянутый Цианид решил тайком заменить дешевый кофейный напиток в кофейном автомате на нормальный молотый кофе – надо отдать ему должное, стоило этому человеку осознать, что его экономия в конечном итоге приносит больше вреда, чем пользы, – и он тут же возвращал всё на место. Но какой уж тут может быть кофе, когда – внимание – в приёмной сидит сама Мария Белогорская, которую Шурик уже неделю не может найти, и эту самую Марию никто даже не удосужился хотя бы угостить каким-нибудь напитком, чтобы ей не так одиноко было сидеть. «Ничего без меня не могут!» – свирепо подумал коммерческий директор и, оставив жестянку с кофе на Наташиной конторке, решительно направился к потерявшему автору.

– Очень рад, что вы нашлись. Меня зовут Константин Петрович.

– Я, кажется, всех тут очень подвела, – пролепетала Маша. После исключительно радушного приёма, оказанного ей Наташей, она уже была готова к любому повороту событий.

– Вы ничуть нас не подвели, наоборот, очень хорошо, что вы появились, – промурлыкал Константин Петрович и присел на диван. Маша усилием воли заставила себя от страха не вскочить и не умчаться прочь отсюда – рядом с этим серьёзным деловым человеком она сразу почувствовала себя бездельницей. Ну зачем, зачем было выставлять себя на посмешище, приходить сюда, что-то из себя строить? А вот деловой человек, надо признаться, рядом с Машей как-то совсем перестал думать о работе. Перед ним сидела симпатичная девушка, которую этот бездельник Шурик наверняка забыл предупредить о том, что существует такая смешная дата, как «дедлайн», к каковой дате совершенно необходимо сдавать все материалы, и теперь девушке (миловидной и хорошо воспитанной!) совершенно беспричинно стыдно, а стыдно должно быть Шурику, а он умотал с Денисом на дело, а Даниил Юрьевич так занят, что его, считай, нет... Перебирая в голове все эти мысли, Константин Петрович как-то совершенно машинально взял Машу за руку.

– Может быть, я зайду попозже, когда Александр Андреевич вернётся? – осторожно спросила она. «Если мужчина берёт тебя за руку, – говорила мать, – не верь ему до тех пор, пока он не наденет на неё обручальное кольцо!»

– Что вы, не стоит так себя утруждать. А Александра Андреевича мы все зовём Шурик. Вы тоже можете его так звать, – заявил Константин Петрович и задумчиво стал перебирать тонкие Машины пальчики. Нет, определённо, эти обалдуи понятия не имеют, как надо обращаться с талантами – это же творческая личность, у них всё по-другому в голове устроено. – Ну что ж, а пока мы ждём Александра Андреевича, я немного расскажу о нашем издательстве...

Когда в приёмную ввалился Виталик, Маша посмотрела на него с такой мольбой и надеждой, что тот решил, будто бедняжка только что получила нагоняй и сейчас получит ещё один. Уж он-то знал, как добрый дядя Цианид умеет давить на психику провинившегося сотрудника.

– Господин коммерческий директор, – моментально сориентировавшись в обстановке, отчеканил Техник, – дежурный Петров своё отдежурил. А потом, когда отдежурил, обнаружил, что сегодня – ваша очередь, а вовсе не его. Как прикажете это понимать?

Константин Петрович, чуть было не пойманный на месте должностного преступления, мгновенно выпустил Машину руку из своих когтей.

– А в чём, собственно, дело? – строго спросил он, поправляя на переносице очки. – Я перепутал. Значит, отдежурую в следующий раз. Вопросы?

– Больше вопросов не имею. Имею предписание проводить Марию Белогорскую в кабинет Шурика, где она сможет его дождаться. Они с Денисом уже скоро вернутся с переговоров, – нагло соврал Виталик.

– Мне кажется, ей было бы удобнее подождать его тут, – строго сказал Константин Петрович. – Мы как раз обсуждаем с ней некоторые технические вопросы.

– Ой, мне так стыдно, что я вас отвлекаю, я лучше тихонечко посижу где-нибудь в другом месте, – воспользовавшись случаем спастись, Маша вскочила с места и храбро подошла к Виталику.

– Да что вы, вы меня совсем не отвлекаете, – удивлённо пробормотал Константин Петрович.

– Всем известно ваше благородство и готовность пожертвовать собой ради ближнего, – патетически воскликнул Виталик, – но это излишне. Уверен, что Мария нисколько не заскучает в одиночестве, ведь правда же?

– Нет, я не заскучаю! Я привыкла. Большое вам спасибо за интересный разговор.

«Разве мы о чём-то разговаривали?» – удивлённо подумал Константин Петрович и поспешил вернуться к работе. Благие намерения относительно кофейного автомата так и остались неисполненными.

Денис молча следовал за Шуриком, кривыми зигзагами огибающим пассажиров метро, – можно было бы и не торопиться, всё равно таким способом много времени не выиграешь, но Шурик просто не умел передвигаться по-другому, и Денис был вынужден, непрерывно извиняясь и уворачиваясь, следовать за своим начальником.

– Как думаешь, успеем? – азартно воскликнул Шурик, кидаясь к уже закрывающимся дверям последнего вагона и, кажется, только силой мысли заставляя их распахнуться вновь. Успели. Им даже место уступили – вот прямо встала половина вагона и перешла в противоположный конец, так что хоть вдоль ложись, хоть поперёк бегай.

– С нами что-то не так? – уточнил Денис. У него был не слишком большой опыт катания в метро, так что к этому занятию он всегда относился с некоторой настороженностью.

– Это с ними что-то не так, – успокоил его Шурик. – Можно не садиться, следующая наша.

Они вышли из метро как раз в тот момент, когда мелкий дождик, неуверенно моросивший с самого утра, решил немного отдохнуть, отозвал тучи и позволил солнцу ненадолго поглядеть на город Санкт-Петербург.

Переходя дорогу на зелёный свет, мунги чуть было не угодили под огромный золотой джип, так громко бибикнувший на них, что они в ужасе отпрыгнули назад, на тротуар.

– «Хоть это и не по правилам, а я всё равно тут поеду» – капслоком прогудел автолюбитель, – прокомментировал ситуацию Шурик и на всякий случай ударил пальцем о палец, устанавливая защиту. Не его это, конечно, был конёк, но обычно срабатывало. В толпе защита действует следующим образом: тех, кто спрятался под её неосязаемым колпаком, окружающие, в принципе, видят, но не запоминают, и опознать потом никак не могут. «Да вроде были тут какие-то двое... Или трое... Серёга, ты не помнишь – их четверо было или пятеро?» – словом, всё понятно, следствие введено в заблуждение, шемоборам или мунгам снова удалось скрыться.

Но на этот раз Шурик зря перестраховался. Во-первых, выданная Виталиком ориентировка привела мунгов в обычный пункт видеопроката, где безнаказанно позволялось находиться кому угодно, потому что кто угодно, если только ему это заблагорассудится, может взять кассету или диск с фильмом и посмотреть его у себя дома. Во-вторых, носитель, которого намётанный Шуриков глаз сразу же вычислил – работник проката и гениальный программист от природы Гумир Сайфутдинов, – не только обладал крайне скверной памятью на лица, но ещё и очень плохо видел. Всё время, свободное от общения с балбесами-клиентами, он стоял за прилавком в пластмассовых очках в дырочку, якобы улучшающих зрение. Зрение они ему, к сожалению, не улучшали, но зато и не портили. А вот от работы за компьютером зрение Гумира падало так, что он даже был вынужден уволиться из офиса, где получал отличные деньги, и перебиваться случайными подработками – лишь бы «не тратить» глаза на ерунду, не продавать

зрение за деньги. Всё лето Гумир провёл в Финляндии – красил крыши в бригаде своего старого приятеля, перебравшегося туда на постоянное место жительства, неплохо заработал, но, увы, сезон закончился, и пришлось возвращаться в Петербург до следующей весны.

В видеопрокате, конечно, платили не в пример меньше, зато график работы – два дня работаешь, потом два дня отдыхаешь – вполне устраивал Гумира. Два дня он вкалывал, ещё день – отсыпался, а потом целый день создавал Операционную Систему своей мечты. Она должна была полностью заменить никудышный глючный Windows: Гумир собирался распространять своё простое, понятное, лёгкое, удобное и гибко приспособляющееся ко всем прихотям хозяина детище бесплатно. Потому что он работал ради идеи, а не за деньги. Гумир был почти счастлив – оттого, что видел перед собой цель и даже имел кое-какие средства на то, чтобы не протянуть ноги. И только то, что цель свою он видел с каждым месяцем всё хуже и хуже, пугало его и заставляло ещё интенсивнее вгрызаться в работу, отчего зрение, понятное дело, никак не улучшалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.